Б. М. КОЛЮБАКИНЪ.

Настоящіе мемуары принадлежать офицеру французскаго № 2-го кирасирскаго полка *Тиріону изт Меца* (Thirion de Metz) и заключають въ себѣ личныя его впечатлѣнія и наблюденія о великой кампаніи 1812 года, къ столѣтію которой мы теперь подошли а потому, появленіе этихъ мемуаровъ на русскомъ языкѣ слѣдуетъ признать умѣстнымъ, принадлежность же ихъ строевому офицеру кавалеріи сообщаетъ имъ спеціальный интересъ для нашей конницы. Авторъ излагаетъ свои воспоминанія очень просто и вполнѣ безыскуственно, сообщаетъ факты и много подробностей, очень цѣнныхъ какъ для исторіи войны вообще, такъ и въ частности для исторіи дѣятельности кавалеріи нашей и французской, что даетъ возможность разъяснить многое изъ этой, все еще мало разработанной, кампаніи.

Несмотря на всю непритязательность изложенія, авторъ не лишенъ способности наблюденій и даеть интересную и истинную картину службы французскаго кавалерійскаго полка. Какъ истый французь, дающій впечатлівнія своей молодости, при извістной долів добродушнаго легкомыслія, онъ містами увлекается, но можно ли поставить въ упрекъ автору это увлеченіе, которое онъ выкупаеть уже одной только искренностью.

Шагъ за шагомъ раскрываетъ авторъ картину условій движенія и дѣйствія блестящей кавалеріи, руководимой въ этой трудной и кровопролитной кампаніи чувствами долга и славы. Особенно интересны условія довольствія лошадей, слабая сторона французской кавалеріи 1812 года; такъ же интересны и цѣнны подробности боевъ подъ Островной, Шевардинымъ, Бородино, стоянки въ Москвѣ, затѣмъ въ голодномъ кавалерійскомъ лагерѣ у Винково (противъ Тарутина), боя у Винкова и, наконецъ, всѣ перепетіи строевого кавалериста въ этомъ безпримѣрномъ по бѣдствіямъ и лишеніямъ отступленіи французской арміи, отступленіи, все же характеризующемъ великую по духу французскую армію достопамятнаго 1812 года.

Б. Колюбакинг.

ГЛАВА І.

Sand - Assessment - Adjubrary of the William Grow, in - Adjubrary

Отъ Гановера до Островно.

Подготовка къ походу.—Ремонтированіе.—Маршъ къ границамъ Россіи.—Составъ и организація 1-го кавалерійскаго корпуса. — Переправа черезъ Нѣманъ. — Дурныя предзнаменованія. — Вильно. — Обгорѣлый овесъ.—Страшная ночь на бивакѣ подъ Вильной.—Лишенія.—Русскія селенія.—Безъ воды.— Маршъ по большой Московской дорогѣ. — Бой подъ г. Островно. — Мюратъ. — Полкъ подъ огнемъ. — Потери.—Довольствіе лошадей. — Атака прусскаго Чернаго гусарскаго полка.

Все время, что мы оставались въ Гановерѣ, сдѣлавшемся (по волѣ Наполеона) Вестфалією, мы готовились къ грандіозному походу въ Россію; изъ Франціи мы получили многочисленныя подкрѣпленія, а въ Гановерѣ заручились прекраснымъ конскимъ ремонтомъ. Гановерская лошадь высока ростомъ, крѣпка сло-

женіемъ и суха, но требуетъ гораздо болѣе поздней ѣзды, чѣмъ мекленбургская или датская. Требуя болѣе продолжительной выѣздки, чѣмъ ея сосѣдки, гановерская лошадь служитъ гораздо дольше, и въ этой странѣ не рѣдкость лошади, прекрасно сохранившіяся послѣ 20—25 лѣтъ службы въ строю. Никогда міръ не видѣлъ лучшей кавалеріи, большаго наличнаго состава и лучшаго конскаго ремонта! Ни къ одному походу не готовились мы такъ тщательно и такъ основательно во всѣхъ отношеніяхъ.

Германію и Польшу мы прошли довольно медленно малыми переходами, что, съ частыми отдыхами, привело къ тому, что мы привели на границу ло-шадей, болѣе свѣжими и въ лучшихъ тѣлахъ, чѣмъ онѣ были при выступленіи. На границѣ кавалерія получила новую организацію, и мой 2-й кирасирскій полкъ вошелъ въ составъ 1-го кавалерійскаго корпуса (ген. Нансути), состоявшаго изъ 3-хъ дивизій: пер-

Наполеонъ I. Съ ориг. рис. худ. Раффе (Raffé). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

вая— легко-кавалерійская (ген. Брюера)— смѣсь разныхъ полковъ и націй (два польскихъ уланскихъ, 16-й французскій конпо-егерскій, полкъ Красныхъ Гамбургскихъ уланъ и Черный прусскій гусарскій), вторая—тяжелая (ген. С. Жерменя—2-й, 3-й и 9-й кирасирскій и 1-й уланскій), третья— также тяжелая (ген. Валанса—6-й, 12-й и 11-й кирасирскій и 5-й уланскій) 1).

Наши полки были столь значительнаго численнаго состава, что для образованія дивизіи было признано достаточнымъ три полка, а каждый полкъ самъ по себѣ составляль бригаду, имѣя во главѣ бригаднаго командира; вреднѣйшая организація, во-первыхъ, въ отношеніи командованія, несоотвѣтственнаго званію и правамъ генерала, во-вторыхъ, по умаленію власти и значенія командира полка и, наконецъ, по отношенію неизбѣжныхъ пререканій между двумя начальниками. Нашему полку быль приданъ ген. Брюно изъ Меца, превосходный человѣкъ, но нѣсколько болтливый, на котораго я могъ бы нѣсколько претендовать, такъ какъ, имѣя ко мнѣ особое довѣріе, онъ заваливалъ меня порученіями, тогда какъ товарищи мои отдыхали, и я предпочелъ бы слѣдовать ихъ примѣру.

Когда мы подошли къ р. Нѣману, то, за множествомъ здѣсь людей и коней, мы едва нашли себѣ мѣсто, гдѣ бы могли расположиться. Господствующее надъ долиной Нѣмана плато напоминало потревоженный муравейникъ. Разнообразіе формъ войскъ, двигавшихся во всъхъ направленіяхъ, гулъ, производимый скопищемъ войскъ, совивстно съ непрерывнымъ трескомъ барабановъ, звуками трубъ и музыки, все это, въ общемъ, сообщало этому сосредоточенію въ день 12-го іюня торжественный характеръ и дёлало зрёлище знаменательнымъ. Съ наступленіемъ ночи картина изм'єнилась: тысяча огней, раскинувшихся на неизм'єримомъ разстояніи, осв'єщала поляну и холмы надъ Нѣманомъ, а посреди этихъ огней полмилліона копошащихся войскъ-редкое и интересное зредище! Но, увы! Какъ мало изъ участниковъ этой картины могуть теперь разсказать о ней! Куда дівались и что осталось оть стальныхъ и бронзовыхъ волнъ этой арміи поб'єдителя Европы! За малыми исключеніями, участники этого блестящаго зрѣлища погибли: одни-славной смертью солдата на пол'в брани, другіе отъ голода, холода и лишеній. Немногіе, вернувшіеся къ родному очагу, страдали отъ ранъ или лишеній 2-хъ мѣсячнаго отступленія отъ Москвы, отъ ночныхъ биваковъ на снѣгу, безъ огня и безъ пищи, глотая снътъ для утоленія жажды. Но эти печальныя мысли насъ тогда, на берегахъ Нѣмана, не тревожили, полные силъ и надеждъ, гордые принадлежностью къ великой націи, гордые мундиромъ, мы мечтали о славѣ, о движеніи по службѣ и побъдахъ, и когда надъ громаднымъ бивакомъ нашимъ поднялось ликующее солнце, мы стремились скорфе перейти эту пограничную рфку. Наконецъ, раздались звуки трубъ и нашъ корпусъ, назначенный предшествовать всей арміи и слідовать первымъ въ ея главъ, пришелъ въ движеніе; дивизія Брюера перешла знаменательный мость. Съ возвышенія, нами занятаго, было видно, какъ головы колоннъ переходили небольшую равнину и углублялись въ лѣсъ. Тронулся во главѣ дивизіи

¹⁾ Организація французской арміи въ 1812 г. была образцовая, особенно, кавалеріи: изъ 100.000 кавалеріи половина ен выдёлена въ отдёльную и сведена въ 4 корпуса, другая половина придана пёхотнымъ отрядамъ, но не ниже корпуса, т. е. сведена въ корпусную, въ видё бригадъ или дивизій. Масса въ 50.000 отдёльной конницы служила органомъ высшаго оріентированія, охраненія, боя и преслёдованія.

и нашъ 2-й кирасирскій полкъ, и тогда внезапно разразилась гроза, мы не успѣли даже разстегнуть наши плащи и укрыться ими, какъ приняли душъ, какого я еще никогда на себѣ не испытывалъ. Когда я во главѣ полка слѣдовалъ по мосту, дождь уже переставалъ. Слѣдуя правилу пріостановки по ту сторону тѣснины головной переправившейся части, уланскій полкъ нашей дивизіи, пройдя мостъ, развернулся въ долинѣ, а нашъ, послѣ перехода моста, развернулся за нимъ во 2-й линіи.

Когда 2-й эскадронь быль на мосту, грянуль громъ такой силы, что люди мгновенно, какъ по командѣ, наклонили головы къ шеямъ коней; ничего подобнаго такому грому я не слышалъ въ моей жизни, и древніе авгуры, вѣроятно, дали бы ему различныя провозвѣщенія, но солдаты великой арміи, вѣровавшіе только грому орудій, думали лишь о томъ, какъ бы имъ просушиться послѣ этого проклятаго дождя. Однако, когда 6-й эскадронъ былъ на мосту, молнія ударила въ нашъ понтонный мостъ и явившіеся откуда-то небольшіе камешки ударили по кирасамъ, одинъ изъ нихъ попалъ въ щеку нѣкоему Вандедріе, а лошадь знаменщика съ испуга бросилась въ рѣку, достигнувъ берега вплавь; изъ воды торчала только голова несчастнаго пловца и древко штандарта, притороченнаго къ сѣдлу.

Воть при какихъ дурныхъ предзнаменованіяхъ, столь оправдавшихся впослъдствіи, перешель я Нъманъ и вступиль на русскую территорію!..

Первые дни нашего марша дали намъ представленіе печальной страны, на завоеваніе которой мы шли: много лѣсовъ и рѣдкія селенія, не могшія по бѣдности прокармливать двѣ арміи, особенно нашу 500.000, каждый новый день встунавшую въ мѣстность, уже истощенную русской арміей, которая, отступая, уничтожала и жгла за собой всѣ средства жизни.

Не встрѣтивъ непріятеля, достигли мы Вильны, гдѣ надѣялись найти фуражъ и сѣно для коней и продовольствіе для себя, такъ какъ первая мысль, первая забота всадника всецтоло относится къ своей лошади и заботать о себѣ онъ предается только послѣ того, какъ товарищъ его освобожденъ отъ ноши и когда ему заданъ кормъ. Мы радовались заранѣе возможности вдоволь накормить нашихъ лошадей овсомъ, котораго были лишены съ самаго перехода границы, и даже заготовляли мѣшки, дабы запастись имъ на нѣсколько дней, такъ какъ нашли на берегу рѣки (очевидно, Виліи) довольно большой его складъ. Но каково разочарованіе! Складъ овса былъ подожженъ отступавшимъ противникомъ и, пропитанный запахомъ дыма, былъ несъѣдобенъ. Нельзя себѣ представить тонкость обонянія лошади и все то отвращеніе, которое она питаеть къ дыму и, вообще, къ горѣлому.

Насъ было такое множество на бивакахъ подъ Вильно и мы были такъ скучены, что намъ не хватало дровъ для разведенія огня, а онъ былъ необходимъ въ эту ночь. Поднявшійся сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ всю ночь, заливая насъ дождемъ или, вѣрнѣе, мокрымъ снѣгомъ. Завернувшись въ плащи и сидя скорчившись, всадники не шевелились, оберегая подъ собой сухое и теплое мѣстечко, а когда съ разсвѣтомъ прозвучало «на коней», мы съ трудомъ могли осѣдлать лошадей и сѣсть на нихъ. Помню, что моя лошадь до того застыла, что не могла двигаться и шаталась, какъ пьяная; чтобы согрѣть ее и возстановить у

нея правильное кровообращеніе, мнѣ пришлось нѣсколько разъ провести ее въ поводу передъ фронтомъ.

Дознано, что эта роковая ночь стоила французской арміи жизни 10.000 лошадей, и такъ какъ лошади цѣнились дороже людей, то историки 1812 года не говорять о числѣ выбывшихъ одновременно изъ строя людей, а, между тѣмъ, принявъ въ разсчетъ число заболѣвшихъ людей, эта ночь, вообще, стоила намъ цѣлаго сраженія 1). Но, что такое потеря въ людяхъ! Лошади стоили денегъ, а людей можно было легко получить новымъ декретомъ.

Нѣсколько еще дней шли мы безъ всякой помѣхи и не понимали отсутствія русской арміи на границѣ и еще менѣе понимали, почему мы еще не встрѣтили ее до сихъ поръ. А, между тѣмъ, жажда боя нашихъ солдатъ была такъ велика, что когда раздался первый звукъ выстрѣла русскаго орудія и мы увидали первыя русскія пики, то въ нашихъ рядахъ началось общее ликованіе и вырвалось общее: «наконецъ», а наша легкая кавалерія живостью движеній и стремительностью атакъ должна была внушить нашему противнику, что онъ имѣетъ дѣло съ нешуточнымъ соперникомъ.

Въ смыслѣ лишеній и утомленія, война эта была тяжсела для конницы, такъ какъ, при равнинномъ характерѣ театра войны, она должна была слыдовать неотступно за авангардомъ. Какъ извѣстно, въ этой странѣ короткое лѣто почти не имѣетъ ночей, темнота наступаетъ въ 11 часовъ вечера, а въ часъ уже свѣтаетъ, да и въ эти два всего часа ночи что-то въ родѣ сумерекъ покрываетъ землю прозрачной пеленой 2). Отсюда слѣдуетъ, сколько же часовъ въ сутки приходилось намъ проводить на коняхъ, постоянно въ виду непріятеля и въ непрестанныхъ съ нимъ стычкахъ. Тѣсня русскую армію, мы дѣлали въ сутки 2—4 лье, и лошади и люди изнемогали отъ усталости, недостатка сна и пищи; отъ 11-ти часовъ утра до 2-хъ дня обѣ арміи, какъ бы по взаимному соглашенію, предавались отдыху, а затѣмъ вновь начиналось наше наступленіе и непрестанное сопротивленіе русскихъ.

Въ этой роковой и гигантской войнѣ у насъ уже не было по вечерамъ, какъ это было въ предшествовавшей кампаніи въ Германіи ³), хорошихъ и богатыхъ селеній, вблизи которыхъ мы, бывало, бивакировали и которыя снабжали насъ фуражемъ и провіантомъ ⁴).

Русская армія, отступая, жгла за собой и города, и деревни, и зачастую наша легкая кавалерія съ остервенѣніемъ шла въ атаку только съ цѣлью упрежденія сожженія тѣхъ мѣстъ, которыя русская армія должна была оставить.

Что можеть быть легче, какъ поджечь русскую деревню, состоящую изъ деревянныхъ избъ, крытыхъ соломой, а потому въ расположении деревни видны мѣры предосторожности: избы, выстроенныя по обѣимъ сторонамъ дороги, образуя улицу, отдѣлены другъ отъ друга достаточными промежутками, тѣ же избы

¹⁾ Явленія эти подтверждаются всёми историками войны 1812 года.

²) Наши бѣлыя ночи, очевидно, не устраивали кавалерію нашего противника.

³⁾ Кампанія 1809 года.

⁴⁾ Только въ Россіи кончилось для французовъ это баловство содержанія ихъ арміи ихъ же противникомъ.

имѣютъ другой выходъ въ огородъ въ 100 шаговъ длиной, за которымъ расположены надворныя постройки (клѣти и сараи), огороженныя отъ избъ каменной стѣной. Для мужика потеря избы нечувствительна, ибо близко довольно лѣса для новой, и заботы его болѣе сосредоточены на 2-й линіи построекъ, гдѣ ютится его скотъ и сложенъ хлѣбъ, сѣно и солома, т. е. все его состояніе, всѣ средства жизни.

Въ этой странѣ равнинъ мало источниковъ, и, мнѣ помнится, мы страдали отъ жажды болѣе, чѣмъ отъ голода, тѣмъ болѣе, что весь день и въ самый зной мы шли по песку или, вѣрнѣе, по слою пыли, до того мелкой, что ноги лошадей уходили въ нее на нѣсколько вершковъ. Облака пыли до того были густы, что всадниковъ впереди не было видно, а зачастую мы не видѣли даже ушей нашихъ лошадей, полагаясь на инстинктъ бѣдныхъ животныхъ и ихъ зрѣніе, устройство котораго болѣе обезпечено отъ заполненія глазъ пылью, чѣмъ у человѣка. Можно себѣ представить атмосферу, въ которой мы жили, и воздухъ, которымъ мы дышали! Когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы возвращались тѣми же мѣстами домой, то уже не страдали отъ солнца и пыли,—все покрылъ и все сравнялъ глубокій снѣгъ; деревья, лишенныя листвы, обозначали намъ дорогу, а брошенные при прежнемъ нашемъ слѣдованіи трупы, какъ печальныя вѣхи, указывали намъ путь обратнаго слѣдованія.

Каждый день были у насъ стычки; подвигались мы медленно, но все же подвигались; медленно отступалъ противникъ, но все же отступалъ. Стычки нашей легкой кавалеріи можно было сравнить съ школьной игрой въ городки или мячи,

Department of the Market of th

Бой у Островно 25-го іюля. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

но, когда нетерпъливому въ виду непріятеля Мюрату надобдала эта школьная игра, когда онъ находиль сопротивленіе слишкомъ продолжительнымъ и наступленіе медленнымъ, то онъ бросалъ насъ въ атаку и самъ водилъ въ атаку фран-

цузскіе эскадроны, крича своимъ охрипшимъ голосомъ на гасконскомъ акцентѣ: «атакуйте этихъ каналій!», и кидался самъ первымъ въ ряды непріятеля, не обнажая оружія и нанося удары хлыстомъ 1).

Король Неаполитанскій Мюратъ, генералиссимусь всей кавалеріи, быль извѣстень среди русскихъ, какъ и среди французской арміи. Всегда во главѣ авангарда, онъ былъ на виду обѣихъ армій, обращая на себя вниманіе своей блистательной храбростью и театральнымъ костюмомъ, съ которымъ никогда не разставался; для русскихъ онъ былъ предметомъ удивленія, уваженія и восхищенія. Когда ему надоѣдало продолжительное сопротивленіе и онъ желалъ кончить дѣло, не жертвуя людьми своей легкой кавалеріи, то онъ восклицалъ: «кирасиры, впередъ»! Тогда мы неслись впередъ и наше наступательное движеніе вызывало отступленіе русскихъ. Этотъ родъ конницы наводилъ на нашего противника какой-то ужасъ и, хотя къ нашему содѣйствію часто прибѣгали, но намъ никогда не удавалось настигнуть его, такъ какъ онъ никогда не выжидалъ насъ и одинъ нашъ видъ побуждалъ его къ отступленію ²).

Наконецъ, въ Островнѣ русская армія сдѣлала первую значительную остановку, противупоставивъ намъ свой фронтъ, прикрытый артиллеріею и въ боевомъ расположеніи, признанномъ ея генераломъ выгоднымъ. Съ нашей стороны было только двѣ дивизіи 1-го корпуса съ Мюратомъ во главѣ 3).

Наши дивизіи развернулись въ нѣсколькихъ шагахъ впереди поворота дороги вправо подъ прямымъ угломъ и стали въ одну линію: легко-кавалерійская—правѣе, а наша кирасирская—лѣвѣе дороги и параллельно расположенію русской арміи, причемъ лѣсокъ на правомъ флангѣ русскихъ не дозволилъ имъ имѣть этотъ флангъ одинаковаго съ нами протяженія 4). Вся тяжесть боя легла на наши дивизіи и, въ особенности, на мой полкъ, правое крыло котораго касалось дороги, такъ какъ русскія батареи были расположены по обѣ стороны дороги.

¹⁾ Авторъ не обощелся безъ увлеченій, да ему и нельзя ставить ихъ въ особую вину; мы только замѣтимъ, что авторъ ведетъ рѣчь преимущественно о казакахъ, прикрывавшихъ все отступленіе, а эти «канальи» знали свое дѣло, все уничтожая за собой, дразня, изводя и истощая французскую кавалерію, которая отъ ихъ дѣйствій таяла не по днямъ, а по часамъ.

²⁾ Хорошо еще, что дъла обходились безъ засадъ со стороны казаковъ, какъ это было устроено Платовымъ подъ Романовымъ, Миромъ и Молевымъ-Болотомъ.

³⁾ Авторъ разсказываетъ здѣсь дѣло у Островно, произошедшее между упомянутыми дивизіями Нансути и 4-мъ нашимъ корпусомъ Остермана съ присоединенной ему кавалерією, совершенно у насъ не изслѣдованное. Къ описанію авторъ приложилъ свое кроки, цѣнное для изслѣдователя этого боя, которое мы здѣсь прилагаемъ и добавляемъ еще кроки, исполненное нашимъ штабомъ на мѣстѣ боя, имѣющее цѣнное значеніе первоисточника, приложеннаго къ нашей реляціи. Этотъ бой полонъ интереса съ точки зрѣнія активнаго рѣшенія нашимъ арріергардомъ своей задачи и употребленіемъ конницы; послѣднее правильно разрѣшено, впрочемъ, болѣе французами, у которыхъ управленіе кавалерією, какъ всегда, объединено въ однихъ рукахъ, организація высшихъ соединеній не нарушена и кавалерія вводится въ дѣло массами.

Затѣмъ, очень поучительны здѣсь дѣйствія легкой дивизіи Брюера, взявшей во флангъ нашъ арріергардъ и во флангъ производившей всѣ свои атаки. Съ нашей стороны здѣсь участвовали: Лейбъгусары и Сумскіе гусары, Ингерманландскіе драгуны и, нѣсколько позднѣе и спѣшившись, Лейбъ-драгуны (нынѣ л.-гв. Конно-гренадеры).

⁴⁾ Мы прилагаемъ здѣсь два кроки, кроки автора воспоминанія и наше, приложенное къ оффиціальному отчету того времени, слѣдовательно, оба кроки имѣютъ значеніе первоисточника большой важности. Тиріонъ изобразилъ расположеніе, очевидно, во 2-мъ періодѣ боя, когда 4-й нашъ корпусъ нѣсколько отошелъ назадъ. На нашемъ кроки кирасиры С. Жерменя вовсе не показаны и показанія Тиріона очень важны, заполняя пробѣлъ.

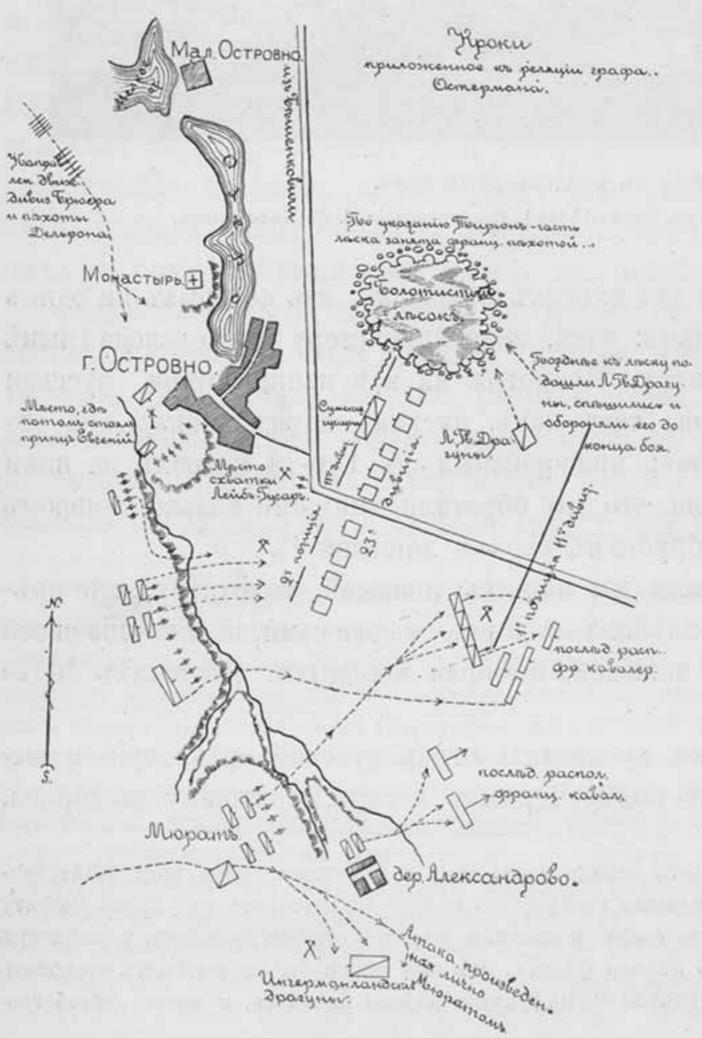
Съ той и другой стороны завязалась ожесточенная канонада, русскіе превосходили насъ числомъ орудій, мы же, къ счастью, мѣткостью стрѣльбы, и наша артиллерія, по живости и мѣткости огня, покрыла себя славой. Мы видѣли, какъ наши снаряды падали на батареи и пѣхотные каре русскихъ, стоявшихъ въ прикрытіи артиллеріи, нанося имъ сильное пораженіе. Уступая намъ въ мѣткости русская артиллерія, тѣмъ не менѣе, нанесла намъ большія потери.

Такимъ образомъ, стоя на мѣстѣ и подъ выстрѣлами, мы простояли 6 часовъ подрядъ, и въ нашемъ полку было убито 187 лошадей; мѣсто, занимаемое нашимъ полкомъ, было обозначено двумя рядами конскихъ тру-

г. Островно be Buncedons Очевидно, что Тиріонъ взялъ 2-ое положеніе, когда IV корпусъ Остермана уже нѣсколько отошелъ назадъ, такъ какъ первоначально онъ стоялъ на мъстъ, показанномъ на этомъ кроки для французской кавалеріи. Легко-кав. диви-Cxena abmopa bocnomunanin Inna y Ocmpola 13 Horas зія Брюера показана невърно, она взяла сильно

вправо, выиграла нашъ флангъ и отсюда атаковала. На нашемъ кроки, очевидно, кирасиры вовсе не показаны.

повъ, а убитыхъ товарищей мы хоронили на другой день, и, согласно обычаю, каждая часть хоронила своихъ.

Въ началѣ дѣла я былъ замыкающимъ 1-го эскадрона; 4-мъ взводомъ командовалъ поручикъ Оже, потерявшій подъ собой лошадь въ самомъ началѣ боя и безследно на весь день исчезнувшій, противно долгу явиться въ строй на другой своей лошади. Съ исчезновеніемъ Оже, я предложилъ моему соотечественнику Лалеману принять командованіе взводомъ, какъ старшему Отъ времени до времени я подъъзжалъ къ нему и давалъ ему глотокъ изъ моей фляги. Не прои часу, какъ его поразило ядро въ бедро съ рикошета и вывалило ему всв внутренности. Я велѣлъ отнести моего бѣднаго товарища на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ послѣ двухчасовыхъ страданій и умеръ. Передъ смертью онъ требовалъ меня къ себъ, хотѣлъ видѣть, говорить и передать для своей матери поясъ съ золотомъ, который ему пришлось отдать чиновнику-казначею, не исполнившему его волю.

Четыре часа еще, не мѣняя мѣста, пассивно простояли мы здѣсь, и мой 4-й взводъ понесъ наибольшія потери: изт 27-ми человъкт у меня уцъльло лишь 11. Эти потери имѣли источникомъ двѣ причины: возвышеніе, на которомъ стоялъ взводъ, что ставило его въ положеніе мишени, и расположеніе впереди взвода въ нѣсколькихъ всего шагахъ командира полка на бѣлой лошади. Пол-

Бой у Островно въ полдень 26-го іюля. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

ковникъ Дюбуа послужилъ мишенью для многихъ снарядовъ, изъ которыхъ ни одинъ его не задѣлъ, а его доля досталась намъ: такъ, квартирмейстеру моего взвода (нынѣ судья въ Саургемюнде) оторвало икру. Несмотря на всѣ наши потери, русская артиллерія насъ еще мало потрепала, такъ какъ, пуская снаряды снизу, она перебрасывала ихъ намъ черезъ голову; придорожныя въ 150-ти метрахъ за нами деревья было буквально срѣзаны, на что мы обратили вниманіе только вечеромъ на бивакѣ, привязывая къ этимъ обрубкамъ своихъ лошадей 1).

Если вы спросите, чѣмъ кормили мы нашихъ лошадей, то отвѣчу, что срѣзаннымъ при помощи косъ и серповъ хлѣбомъ на корню, мы же сами, не имѣвшіе своей жатвы, поджаривали мясо убитыхъ лошадей, выбирая молодыхъ, дававшихъ болѣе нѣжное мясо.

Въ теченіе дня Мюратъ, желая прекратить огонь русской артиллеріи и выбить русскихъ, приказаль прусскому полку Черныхъ гусаръ, стоявшему на дорогѣ,

¹⁾ Кирасиры С. Жерменя, въ числѣ 16-ти эскадроновъ, такъ и простояли здѣсь подъ убійственнымъ огнемъ все время боя, понеся значительныя потери, что нельзя не поставить въ упрекъ Мюрату и неспособному С. Жерменю, тѣмъ болѣе, что сзади подходила пѣхота дивизіи Дельзона, и кирасиръ легко было убрать вправо, въ обходъ нашего лѣваго фланга, гдѣ они могли бы съ успѣхомъ атаковать нашъ флангъ и тылъ. Дивизія Брюера дѣйствовала очень удачно, взявши наискось, и много способствовала успѣху дня, атакуя болѣе во флангъ.

атаковать. Атака была неудачна. Гусары были встрѣчены огнемъ артиллеріи и двухъ каре пѣхоты, стоявшихъ по сторонамъ дороги, и отошли назадъ. Атака была произведена по дорогѣ рысью, и гусары отошли той же рысью и съ тѣмъ же спокойствіемъ. Первый разъ въ жизни видѣлъ я атаку, исполненную этимъ аллюромъ, и такое же возвращеніе безъ криковъ и безъ всякаго безпорядка.

Не знаю, почему Мюратъ не посылалъ насъ въ атаку, хотя и объщалъ, смъясь и нъсколько разъ проъзжая мимо насъ: «Сейчасъ будетъ и ваша очередь, кирасиры!» Предполагаю, что онъ разсчитывалъ вынудить русскихъ къ отступленію превосходствомъ своей конной артиллеріи 1).

ГЛАВА II.

Отъ Островно до Бородина.

Исченіе хліба изъ извести.—Уничтоженіе отступающей русской арміей всіхъ средствъ жизни.—Смоленскъ.—Картина бомбардированія и штурма Смоленска.—Мюратъ.—Подходъ къ полю Бородинскаго сраженія.—Передъ Шевардинскимъ редутомъ.—Атака и конфузъ Гамбургскихъ уланъ.—Канунъ Бородина.—Утро сраженія.—Настроеніе французской арміи.

Мои воспоминанія мѣстами могуть казаться анекдотичными и неправдоподобными, а, между тѣмъ, они правдивы и, кромѣ комизма, заключають и разочарованіе, испытанное мною и моими кирасирами. Дѣло въ слѣдующемъ. Противникъ, живо оттѣсненный нами по обѣимъ сторонамъ дороги, не успѣлъ сжечь все селеніе (Островно или Александрово), около котораго мы стали бивакомъ, и нѣсколько человѣкъ кирасиръ донесли мнѣ, что въ одномъ домѣ раздобыли два мѣшка муки, — драгоцѣнное открытіе, по неимѣнію нами хлѣба, что представляло для французскаго солдата самое большое лишеніе. «Живо, ребята, мѣсите тѣсто», сказалъ я имъ, «а пока вы будете печь хлѣбъ, мы позаботимся о вашихъ лошадяхъ». У меня въ эскадронѣ не было хлѣбопека, но всесильная нужда всему научитъ солдата, и въ походѣ, и на бивакѣ люди брались за работы, которыя были подъ стать только спеціалистамъ. Если стояли на рѣкѣ, стирали бѣлье, сами чинили бѣлье, одежду, обувь, конское снаряженіе, и солдату приходилось быть прачкой, портнымъ, бѣлошвейкой, мясникомъ, булочникомъ и щорникомъ. Нарядъ по одному человѣку отъ взвода живо принялся за дѣло, и люди рѣшили выпечь хлѣбъ въ два пріема. Интересуясь выпеч-

¹⁾ Мюратъ доносилъ: «выбивъ кавалерію близъ Островно съ 8-мъ гус. и 16-мъ конно-егерск. полками дивизіи Брюера и взявъ 8 орудій (дѣло съ 2-мъ эск. Лейбъ-Гусаръ), двинулся на русскій арріергардъ съ дивизіями Брюера и С. Жерменя и двумя баталіонами, и выставилъ всю артиллерію кирасиръ, выжидая прибытія пѣх. дивизіи Дельзона. Только расположился, какъ вправо изъ лѣса вышелъ русскій драгунскій полкъ (Ингерманл. др.), который разсѣялъ (показано на нашемъ кроки). Одновременно генералъ Орнано атаковалъ 16-мъ конно-егерскимъ полкомъ русскую артиллерію, взялъ ее, но, за потерями, бросилъ, а 2 баталіона пошли влѣво въ лѣсокъ, для поддержки 1-й кавалер. бригады, которую безпокоилъ огонь русской пѣхоты»... Тогда русскіе атаковали лѣсокъ 3-мя баталіонами, и Мюратъ атаковаль ихъ на пути прусскимъ гусарскимъ полкомъ. Когда русскіе угрожали правому флангу, то Мюрать для его обезпеченія выслаль 9-й уланскій, 2 эскадрона 7-го гусарскаго и бригаду кирасиръ, но только они расположились, какъ 2 бат. русскихъ вышли изъ лѣса и потѣснили франц. пѣхоту; генералъ Жакино атаковаль ихъ полкомъ легкой дивизіи. Затѣмъ, 2 русск. батал. атаковали изъ лѣса нашъ правый флангъ и были атакованы 6-мъ и 8-мъ польскими уланскими (ген. Руссель). Послѣ этого русскіе перешли въ общее наступленіе, но пришла дивизія Дельзона и т. д. (Изъ подл. донесенія Мюрата).

кой, я торопиль людей, темь более, что опасался сигнала «походь», когда пришлось бы оставить людей для окончанія выпечки, а потомь везти хлёбь за собой.

Хотя мои случайные хлѣбопеки и доложили, что хлѣбъ что-то все еще не поднимается, но я отнесъ это къ плохому качеству дрожжей. Наконецъ, хлѣбъ посадили въ печь. Заглянувъ въ печь, спустя нѣкоторое время, я замѣтилъ, что хлѣбъ не подрумянивается, и упрекнулъ пекарей въ недостаткѣ жара. Придется ѣсть плохо испеченый хлѣбъ, но мы не требовательны и бѣлизна хлѣба должна была искупить его вкусъ. Закрыли заслонку изъ опасенія, чтобы хлѣбъ не пригорѣлъ; черезъ часъ, такъ или иначе, пришлось его вынимать. Буало, воспѣвшій парикъ Шоплена, помоги мнѣ въ звучныхъ стихахъ воскликнуть: «О, проклятіе! О, несчастье!» Оказалось, что мы замѣсили и выпекли красивые круглые хлѣбы не изъ муки, а изъ... извести. Товарищи наши много смѣялись, а пришедшія послѣ насъ войска, найдя печь съ невыкинутыми хлѣбами, также, вѣроятно, думали о драгоцѣнной находкѣ... и каково же было и ихъ разочарованіе!..

Мы продолжали нашъ трудный маршъ впередъ, сражаясь съ утра до вечера и дѣлая отъ 2-хъ до 4-хъ лье въ сутки. Чѣмъ болѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ усерднѣе русскіе жгли все за собою, уничтожая не только деревни, но и города и все то, что находилось по сторонамъ дороги.

Наконецъ, мы подошли къ Смоленску. Несмотря на убъжденіе, что здѣсь остановятся наши успѣхи, несмотря на силу крѣпости (?) и ея артиллерію, священный городъ былъ взятъ. Смоленская крѣпость обороняла городъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и намъ было крайне необходимо овладѣть ею. Мюратъ выставилъ передъ фронтомъ крѣпостной ограды гвардейскую артиллерію и столь близко, что артиллеристы обѣихъ сторонъ могли различать черты другъ друга. Канонада была ужасная; русскіе имѣли орудія большого калибра, у насъ же наибольшій калибръ имѣла гвардейская артиллерія.

Весь нашъ корпусъ стоялъ внѣ сферы дѣйствія русской артиллеріи, но все же отдѣльные снаряды докатывались до ногъ нашихъ лошадей. Картина канонады и штурма, столь новая для кавалериста, вынудила меня приблизиться къ мѣсту дѣйствія, захвативъ товарища, любителя приключеній. Пройдя незамѣченными позади фронта другого полка, мы добрались до центра артиллеріи и очутились въ струѣ ядеръ и гранатъ, оцѣнивъ степень опасности, мужество и хладнокровіе артиллеристовъ. Нашу артиллерію били еще во флангъ русскія батареи того берега. Мы не постигали, какъ могли еще остаться живыми люди и лошади артиллеріи среди этой массы падающихъ снарядовъ, на открытой равнинѣ, имѣя по 6-ти лошадей на орудіе и ящикъ!..

Мы наблюдали польскую пѣхоту, спускавшуюся въ рвы крѣпости или, вѣрнѣе, въ овраги и пытавшуюся, подсаживая другъ друга, эскаладировать стѣны съ мужествомъ и упорствомъ, заслуживающими лучшей участи; французская артиллерія поддерживала ихъ, поражая стѣны, дававшія дождь каменныхъ осколковъ.

На батарев, со свойственнымь ему спокойствіемь, подъ огнемь прохаживался Мюрать, всёмь улыбаясь и воодушевляя артиллеристовь, предвіщая столь привычный ему успёхь. Приблизившись къ намь и удивленный видёть здёсь двухъ кирасирь, Мюрать бросиль намь: «чорть возьми, что вы туть дёлаете, господа?»

Получивъ отвъть, что мы любители и что зрълище осады необычно для кирасиръ, Мюратъ, крикнувъ намъ: «въ добрый часъ», удалился, смъясь.

Меня поразила тогда одна вещь, — Мюратъ, всегда окруженный многочисленнымъ штабомъ, былъ на этотъ разъ совершенно одинъ, — ни адъютантовъ, ни конвоя; куда дѣвалась эта завсегдашняя свита его?!. Были ли разосланы чины этой свиты или градъ снарядовъ произвелъ въ средѣ свиты короля-солдата опустошеніе!..

Судя по свойству мѣстности, пѣхота, видимо, не могла добраться до скалъ и вѣнчавшихъ ихъ стѣнъ, и дѣйствія ограничивались взаимной посылкой снарядовъ, а потому мы съ товарищемъ удалились, счастливые, что не досталось ни намъ, ни нашимъ конямъ, или, вѣрнѣе сказать, ни нашимъ конямъ, ни намъ, такъ какъ кавалерійскій офицерт заботится сначала о своей лошади, самъ же долженъ въ этомъ отношеніи идти вторымъ номеромъ.

Продолжая наступать, мы очутились, наконець, въ виду возведенныхъ на равнинъ редутовъ, что, одновременно съ развертывающейся впереди линіей кавалеріи, предвъщало близость серьезнаго отпора, отвъчавшаго желанію всей арміи, такъ какъ до сихъ поръ только нашъ корпусъ былъ въ полусраженіи подъ Островной, часть войскъ подъ Витебскомъ, а Смоленскъ—дъло одной артиллеріи.

5-го сент. (24-го авг. ст. ст.), послѣ полудня, мы очутились передъ весьма возвышеннымъ редутомъ, расположеннымъ въ видѣ какъ бы гигантскаго передового поста при выходѣ на равнину 1). Дивизія легкой кавалеріи генерала Брюера стала въ первой линіи, наша кирасирская— во второй въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ позади.

До самаго вечера легкая кавалерія не переставала производить свои многочисленныя атаки во флангъ и по обѣ стороны редута, пока его не очистили русскіе и онъ не остался въ нашихъ рукахъ ²).

Прямо впереди насъ, влѣво (?) и нѣсколько отступя отъ редута ³), находился лѣсъ, и мы видѣли, какъ вдоль этого лѣса прослѣдовала линія непріятельской кавалеріи, развернулась и стала въ боевомъ порядкѣ на опушкѣ лѣса. Наступавшая темнота все же не помѣшала намъ опредѣлить, что это за родъ войскъ.

Нашъ корпусный командиръ генералъ Нансути, не желая оставлять въ такой близости отъ насъ противника, который легко могъ насъ потомъ атаковать врасплохъ, приказалъ полку Гамбургскихъ Красныхъ уланъ атаковать и отбросить эту замѣченную кавалерію.

Полкъ съ мѣста и открыто пошелъ впередъ и атаковалъ, имѣя «пики въ рукахъ». Русская кавалерія встрѣтила ударъ, не дрогнувъ, и не успѣли уланы

¹⁾ Шевардинскій редутъ.

²⁾ Авторъ совершенно правильно говоритъ, что бой, и именно кавалерійскій, происходиль только по сторонамъ редута и что пикакого боя за самый редутъ и не было, что, однако, упорно разсказывается объими сторонами, но что представляеть басню.

³⁾ Какъ понять это «влѣво», говорить ли онъ это по отношенію фронта французовъ, что вѣроятнѣе, или по отношенію русскаго фронта; если «влѣво» отъ себя, то тамъ лѣса не было; тутъ
какое-то недоразумѣніе, лѣсъ и рощи были южнѣе редута, а сѣвернѣе и позади былъ уже лѣсъ праваго берега Семеновскаго оврага. Можетъ быть, мы не такъ понимаемъ направленіе движенія корпуса Нансути, и если онъ вышелъ на флангъ нашего расположенія у Шевардино, то Тиріонъ правъ.

коснуться остріями пикъ груди непріятельскихъ всадпиковъ, какъ мгновенно повернули кругомъ и пошли къ намъ обратно, какъ будто, въ свою очередь, были атакованы и преслѣдуемы. Такъ мы и рѣшили, и нашъ 2-й и 3-й кирасирскіе полки понеслись впередъ, какъ для того, чтобы поддержать уланъ, такъ и въ цѣляхъ атаки непріятельской кавалеріи. Уланы пронеслись сквозь интервалы нашихъ эскадроновъ и перестроились за нами.

Мъстность передъ нами оказалась совершенно очищенной отъ противника, но мы все еще ожидали появленія непріятельской кавалеріи, которая отбросила и преслъдовала нашу, но, къ великому нашему удивленію, мы никого не видъли: равнина до самаго лъса была совершенно свободна отъ войскъ. Что же произошло? Что за причина этого безпорядочнаго отступленія нашихъ уланъ?

Вотъ что, оказывается, произошло. Съ самаго начала кампаніи мы ни разу не видѣли русскихъ кирасиръ; наши уланы ихъ-то именно и атаковали, и такъ какъ русскіе кирасиры были одѣты въ черныя кирасы, то уланы за темнотой не разглядѣли ихъ. Только тогда, когда желѣзо ихъ пикъ зазвенѣло о кирасы, уланы поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: не проникая въ тѣло, пики издали только звонъ, и эта случайность и неудача настолько смутили уланъ, ожидавшихъ встрѣчнаго удара кирасиръ, что они задержались, а потомъ повернули кругомъ. Фактъ этотъ даетъ возможность судить о томъ моральномъ впечатлѣніи, которое одинъ родъ кавалеріи производитъ на другой 1).

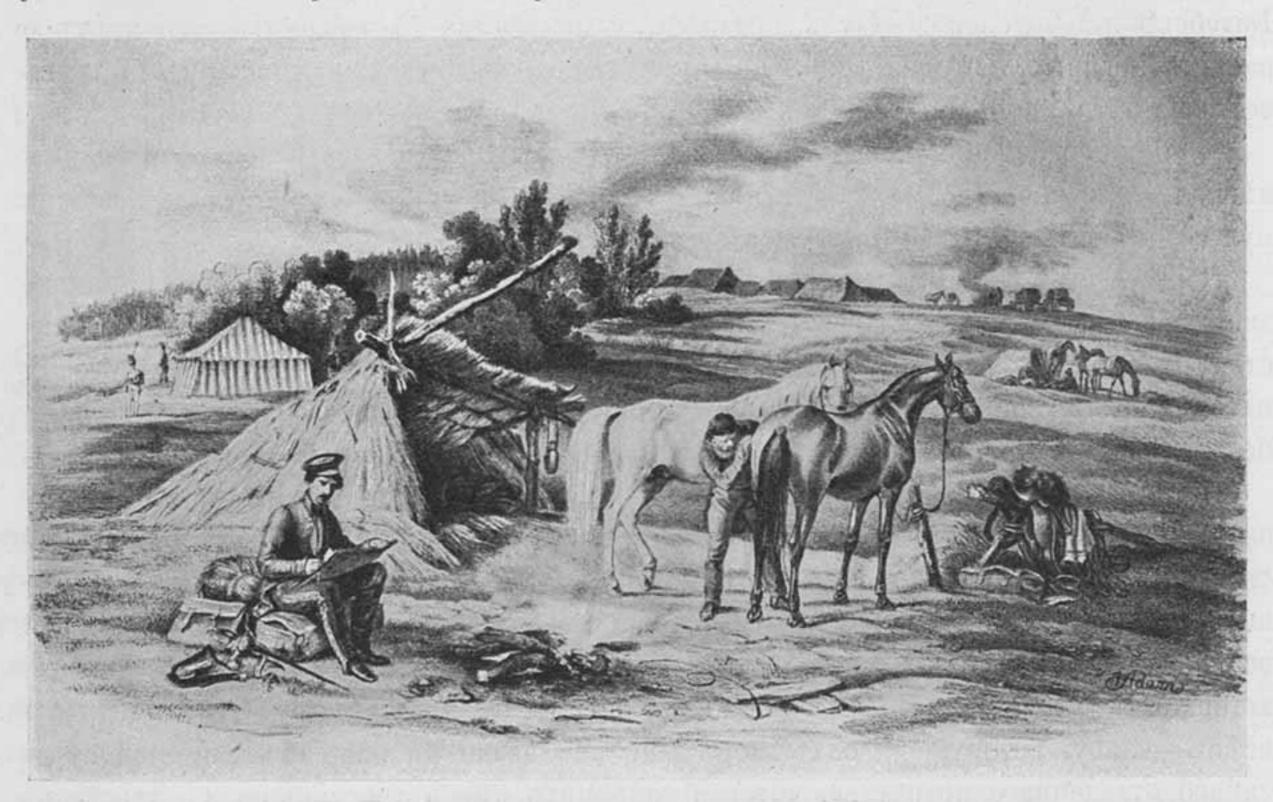
Мы, между тѣмъ, продолжали подвигаться впередъ. При нашемъ приближеніи, кирасиры отступили, очистивъ лѣсъ ²). Въ этомъ лѣсу наши Гамбургскіе уланы выставили главный караулъ, выдвинувъ впереди посты. Мы стали тутъ же на мѣстѣ бивакомъ, и что это былъ за печальный бивакъ: ничего для лошадей, ничего для людей, голая, безплодная равнина, никакихъ селеній и непріятель впереди и кругомъ насъ!.. По обыкновенію, еще до разсвѣта, мы уже были на коняхъ, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія.

Ночь прошла спокойно, и также покойно и безъ всякихъ непорядковъ прошелъ и день 6-го сент. (25-го авг. ст. ст.). Нигдѣ не было произведено не единаго ружейнаго и даже пистолетнаго выстрѣла, и весь день 6-го сент. былъ посвя-

¹⁾ Этотъ интересный эпизодъ боя 24-го авг. у Шевардино мы встрѣчаемъ впервые у автора этихъ воспоминаній. Необходимо здёсь все же разобраться; является непонятнымъ-лёсъ влёво отъ Шевардинскаго редуга, если считать съ французской стороны. По автору, Гамбургскіе уланы атаковали кирасиръ, и это могли быть Малороссійскіе и Глуховскіе кирасиры полковника Толбузина, стяжавшіе здёсь большіе лавры съ своимъ храбрымъ командиромъ. По нашимъ источникамъ (рапортъ Кутузову команд. 4-мъ кав. корп. ген.-мајора графа Сиверса, № 276, отъ 26-го авг. 1812 г.), участје нашей кавалеріи подъ Шевардинымъ выразилось въ следующемъ: у Шевардинскаго редуга были выставлены изъ состава конной № 9 роты 8 оруд., лѣвѣе и 4 оруд. правѣе редута, за ними въ 1-й линіи стали-Кіевскій и Новороссійскій драг. и 2 эск. Ахтырскаго гус. полковъ, за ними во 2-й линіи 2-я кирас. дивизія и на правомъ флангѣ и уступомъ назадъ Харьковскій и Черниговскій драг. полки; вев эти части попеременно атаковали наступающія части французовь и, главнымъ образомъ, полки дивизіи Фріана; подъ вечеръ полковникъ Толбузинъ съ Малороссійскимъ и Глуховскимъ кирас, полками, правъе редута, атаковалъ вылъзшій впередъ 111-й пъх. полкъ, сильно его помяль и отбиль 4 оруд. полковой артиллеріи, изь коихь 2 захватиль съ собой и доставиль по начальству. Очевидно, что «конфузъ» Гамбургскихъ уланъ случился съ этими самыми кирасирскими полками, но ранбе ли захвата ими двухъ орудій, что случилось почти въ темноть, или позднье, остается неизвъстнымъ; думаемъ, что ранъе.

²⁾ Что же это за лѣсъ, надо доискаться. Дѣло у Шевардино, вообще, нами совершенно не изслъдовано.

щенъ на сосредоточеніе и стягиваніе арміи, отдѣльные корпуса которой подходили послѣдовательно и располагались согласно боевого разсчета. Ночь съ 6-го на 7-е прошла такъ же покойно, какъ и день 6-го, и когда 7-го, утромъ, армія взялась за оружіе, она была полна энтузіазма и воинскаго пыла; оружіе сверкало, и люди были въ полной парадной формѣ, такъ какъ Наполеонъ этотъ великій знатокъ людей, внушиль войскамъ, что дни сраженій суть большіе праздники, и разъ навсегда быль отданъ приказъ, чтобы въ дни сраженій люди были въ полной парадной формѣ, Впрочемъ, необходимо упомянуть, что какъ люди, такъ и лошади этой прекрасной арміи были истощены и что въ перспективѣ предвидѣлось 12 часовъ маневрированія и боя, въ теченіе которыхъ намъ невольно приходилось продолжать свое воздержаніе. Въ такихъ условіяхъ французскій солдать поистинѣ безподобенъ: лишенія, тягости, усталость—все исчезаеть, все будеть забыто, когда ему указывають на непріятеля и говорять о славѣ.

Бивакъ 16-го августа 1812 г. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

ГЛАВА ІІІ.

Бородинское сраженіе.

Солнце Аустерлица.—Сосредоточеніе армій.—Приказъ.—Значеніе его.—Начало сраженія.—Скученное расположеніе армій и ся потери отъ огня русской артиллерій.—Характеристика боя эпохи.—Сопротивленіе русской армій.—Атака кирасирскихъ полковъ на флеши Багратіона.—Семеновскій оврагъ и обратное возвращеніе полка.—Критическое его положеніе.—Подходъ вестфальской пѣхоты.—Полкъ отходить въ полосу кустовъ.—Тяжелая ночь послѣ сраженія.—Эпизоды сраженія.—Объѣздъ поля сраженія.—Представленіе наградныхъ списковъ.—Дивизія лишена наградъ.—Генералъ Сенъ-Жерменъ.— Безцѣльный расходъ на охраненіе.—Причины изнуренія французской кавалерій.—Сѣно въ сѣткахъ и вредный формализмъ начальника дивизій.—Долой сѣтки.—Письма на родину.

7-го сент. (26-го авг.) взошло лучезарное солнце, солнце Аустердица, оно пожелало еще разъ освътить этотъ достопамятный день. Съ ранняго утра войска

были подъ ружьемъ, и съ музыкой во главѣ двигались корпуса занять назначенныя имъ въ боевомъ порядкѣ мѣста. Позади насъ на возвышеніи стала сосредоточенно Императорская гвардія, образуя какъ бы пирамиду людей и штыковъ, пирамиду, вершину которой составлялъ Императоръ.

Грандіозное и внушительное зрѣлище!

У подножія возвышенія развернулась въ 2 линіи гвардейская кавалерія: конно-егеря, уланы и драгуны въ первой, конно-гренадеры и отборныя части (trouppes d'élite) во второй.

Лишь только войска заняли свои мѣста, какъ былъ прочитанъ приказъ Императора по арміи на 7-е сент., еще болѣе поднявшій духъ войскъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависить отъ васъ. Она намъ необходима; она дасть намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнить о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажуть о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой».

Это энергичное и короткое воззваніе окончательно наэлектризовало армію; въ нѣсколькихъ словахъ оно затрагивало всѣ ея интересы, всѣ ея страсти, всѣ ея нужды, короче—въ нихъ было все сказано.

Да! Армія устала отъ этихъ непрестанныхъ маршей, отъ этого непрестаннаго движенія вглубь Россіи, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Да! Побѣда дѣйствительно зависѣла отъ солдата, въ особенности, когда онъ довѣряетъ своему начальнику, сознавая его искусство, Императоръ же внушалъ своимъ легіонамъ болѣе, чѣмъ одно довѣріе, онъ внушалъ любовь, граничившую съ фанатизмомъ.

Да! Побъда все еще была нужна, она была даже необходима, и чтобы случилось съ арміею или, върнье, съ ея остатками безъ побъды въ этой отдаленной странь, гдъ во всемъ чувствовался недостатокъ!.. Только побъда объщала нуждающейся арміи изобиліе, изнуренной—покой и возвращеніе на родину, о которой все время вздыхали. Этотъ приказъ напомнилъ солдатамъ ихъ былые успъхи: ветеранамъ — Аустерлицъ и Фридландъ, молодымъ — Витебскъ и Смоленскъ, а всъмъ—славу, которую до сихъ поръ еще не давало ни одно сраженіе, славу до самаго отдаленнаго потомства, которое сохранитъ имена участниковъ съ чувствомъ восхищеннаго благоговънія.

Какъ много—въ этихъ немногихъ словахъ приказа, настоящее, прошедшее и будущее—все преисполнено славой!!

Какъ только было окончено чтеніе приказа, загремѣли орудія; сраженіе началось по всей линіи.

Поле сраженія было слишкомъ тѣсно для огромнаго количества стянутыхъ на немъ войскъ; пришлось располагать войска въ глубокомъ порядкѣ нѣсколькихъ линій, почему снаряды, перелетавшіе 1-ую линію, поражали вторую, а нѣкоторые снаряды поражали нѣсколько линій; побоище было ужасающее, и самое сраженіе явилось наиболѣе кровопролитнымъ со времени употребленія огнестрѣльнаго оружія 1).

¹⁾ Авторъ правъ. Какъ для Фридриха Великаго встрѣча съ русской арміею при Куннерсдорфѣ и Цорндорфѣ составила наиболѣе кровопролитныя сраженія эпохи, такъ и для Наполеона сраженія

Странное и удивительное явленіе—современный бой: двѣ противныя армін медленно подходять къ полю сраженія, открыто и симметрично располагаются другь противъ друга, имѣя въ 140 шагахъ впереди свои артиллеріи, и всѣ эти

Лѣвый флангъ расположенія французской арміи передъ Бородинской позиціей 25-го авг. 1812 г. На первомъ планѣ группа французскихъ солдатъ, лѣвѣе, видна церковь с. Бородино. За группой на горизонтѣ возвышается центральный курганъ Раевскаго.

Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

грозныя приготовленія исполняются съ спокойствіемъ, порядкомъ и точностью учебныхъ упражненій мирнаго времени; отъ одной арміи до другой доносятся громкіе голоса начальниковъ, видно, какъ поворачиваютъ противъ васъ дула орудій, которыя вслѣдъ затѣмъ понесутъ вамъ смерть и разрушеніе; и вотъ, по поданному сигналу, за зловѣщимъ молчаніемъ внезапно слѣдуетъ невѣроятный грохотъ,— начинается сраженіе ¹).

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обѣ арміи остаются неподвижны, одна только артиллерія говорить и дѣйствуеть, число орудій и мѣткость стрѣльбы—воть что дасть первый успѣхъ; тотъ, кто подобьеть болѣе орудій, тотъ, кто, произведя въ линіяхъ противника болѣе опустошеній, внесеть въ ряды его болѣе ужаса, тотъ и вынудить своего противника къ отступленію ²).

подъ Прейсишъ-Эйлау и Бородинымъ были наиболъе кровопролитными въ его побъдномъ шествіи. Только русская армія и сумъла дать должный отпоръ обоимъ великимъ полководцамъ. Подъ Бородинымъ, выбравъ участкомъ для нанесенія главнаго удара на незначительный, сравнительно, фронтъ нашего расположенія отъ центральнаго кургана до Багратіоновыхъ флешей, Наполеонъ сосредоточилъ противъ этого участка почти всѣ свои силы и рѣшилъ сразу навалиться ими отсюда, почему и вынужденъ былъ стать въ этомъ глубокомъ порядкѣ. Но это столь близкое къ намъ и столь глубокое расположеніе давало ему возможность развить на важномъ участкѣ бой сразу съ большимъ напряженіемъ, что только и могло ему дать побъду противъ русской арміи славнаго въка Бородина, что имъ и прекрасно оцѣнено, какъ геніемъ, въ силу вещей обрекшимъ свою армію на жестокія потери. Б. К.

¹⁾ Прекрасная и образная характеристика сраженій эпохи. Б. К.

²⁾ Опять отмѣтимъ превосходное объясненіе задачи артиллеріи того времени, столь близкой къ задачамъ и современной скорострѣльной, измѣнились только дистанціи, строи и способы расположенія.

Нужно отдать справедливость французской артиллеріи, что она превосходила артиллеріи другихъ государствъ живостью и мѣткостью огня, что признавалось всей Европой 1). Послѣ нѣсколькихъ часовъ оживленной канонады, потому ли, что непріятель замѣтилъ нѣкоторое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, или наше нетерпѣніе нашло этотъ обмѣнъ снарядовъ слишкомъ продолжительнымъ, но только мы перешли въ наступленіе, и наша пѣхота атаковала редутъ, расположенный посреди равнины и посылавшій намъ смертоносный огонь 2). Этотъ редутъ (флеши), ключъ поля сраженія, былъ блистательно атакованъ и столь же мужественно обороняемъ. Вся мѣстность передъ редутомъ (флешами) была завалена тѣлами французовъ, а самый редутъ и мѣстность позади—тѣлами русскихъ. На этомъ пунктѣ русскіе переходили нѣсколько разъ въ наступленіе, но новая атака въ штыки заставила ихъ отступить 3). Тѣла убитыхъ затрудняли движеніе сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать.

Наконець, Императорь, утомившись сопротивленіем ⁴) и чувствуя, что отъ успѣха на этомъ пунктѣ поля сраженія зависить успѣхъ дня, приказаль пѣхотѣ отступить, что было принято русскими съ торжествомъ, они думали, что мы уже сдали передъ ихъ сопротивленіемъ и уже было восхваляли побѣду ⁵). Но, напрасно, такъ какъ пѣхота была замѣнена лишь кавалеріею, въ составѣ всѣхъ почти кирасирскихъ полковъ арміи, въ числѣ до 15-ти, считая въ томъ числѣ саксонцевъ и полкъ голландцевъ ⁶). Мгновенно развернутая, эта желѣзная линія, предводимая Мюратомъ, понеслась въ атаку ⁷). Ничто не устояло, все было опрокинуто, пройдено и взято (т. е. только до оврага) ⁸). 5-й кирасирскій полкъ, бывшій фронтомъ къ редуту, перешелъ ровъ, взобрался на небольшой валъ и ворвался въ редуть, рубя и давя пѣхоту своими конями ⁹).

Мы продолжали нашу атаку на равнинѣ вплоть до артиллеріи, поддерживаемой русскими кирасирами и драгунами. Доскакавъ до нихъ, мы были поражены ихъ неподвижностью, не понимая, почему непріятельская кавалерія не вынеслась передъ своей артиллеріей, для ея защиты и для встрѣчи нашей конницы, только очутившись въ стастадвадцати шагахъ отъ русской артиллеріи, мы поняли, въ чемъ дѣло, ибо причина стала ясна, это условія мѣстности, что не могло быть нами принято въ соображеніе 10).

¹⁾ Наша артиллерія не уступала качествами, но употребленіе французской было болѣе искусно, особенно съ точки зрѣнія сведенія ся въ массы и одновременное въ массахъ же выдвиженіе.

²⁾ Рѣчь идетъ какъ бы о центральномъ курганѣ, но авторъ говоритъ на дѣлѣ о Семеновскихъ флешахъ, что часто бываетъ съ участниками, точными только для узкой сферы своего личнаго участія и онъ, стоя противъ флешей, и считаетъ ихъ ключемъ позиціи противника.

³⁾ Въ сущности, контръ-атаки производились нами по всему фронту.

⁴⁾ Это выражение върное и справедливое, вся армія была изведена и истощена сопротивленіемъ.

⁵⁾ И у центральнаго кургана, и у Багратіоновыхъ флешей.

⁶⁾ Въ атаку двинуты три кавалер. корпуса, но, по нашимъ даннымъ, кирасирскихъ полковъ. было болѣе 15-ти, а авторъ забылъ еще упомянуть польскіе, уланскіе полки.

⁷⁾ На правомъ флангъ 2-й, въ центръ 4-й и на лъвомъ 2-й корпусъ.

⁸⁾ Не отрицая значенія этой атаки, все же скажемъ, что авторъ увлекается: устояли, во-первыхъ, наши гвард. пѣхотн. полки--Финляндскій, Литовскій и Измайловскій, во-вторыхъ, части пѣхоты, стоявшія лѣвѣе центральнаго кургана, а, въ третьихъ, что же это «все», взятое кирасирами?

⁹⁾ Авторъ неправъ, 5-й кирас. полкъ направленъ на участокъ далеко въ тылу редута и, очутившись на одной съ нимъ высотъ, повернутъ налъво и въ тылъ редуту и ворвался въ горку—маневръ искусный и исполненъ блистателено, это правда. Кромъ того, авторъ упреждаетъ событія, эта атака была позднъе описываемыхъ имъ событій.

¹⁰⁾ Въ данномъ случат ртчь идетъ о Семеновскомъ оврагъ, въ болте верхней его части было указано переходить дивизіи С. Жерменя.

Та часть Россіи, по которой мы двигались, представляла изь себя равнину, частью покрытую лѣсами, но никакія возвышенія не представлялись взору, а, между тѣмъ, на пути было не мало крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что равнины эти (т. е. равнины для глазъ) изборождены оврагами, которые только тогда и замѣтишь, когда они у васъ уже подъ ногами, и подобный же оврагъ находился теперь передъ сказанной линіею русскаго расположенія, играя роль рва и вала, которые и помѣшали намъ атаковать эту линію. Доказывая наше желаніе видѣть русскую армію поближе, мы спустились въ оврагъ, съ цѣлью выскочить на противоположный берегъ, но дно оврага оказалось болотистымъ, передовыя лошади въ немъ завязли, и намъ, волей неволей, пришлось вернуться обратно и стать въ боевомъ порядкѣ фронтомъ къ непріятелю, по сю сторону оврага и на краю его 1).

Въ подобныхъ условіяхъ расположенія мы очутились въ 100 шагахъ отъ русскихъ орудій, которыя не замедлили встрѣтить насъ бѣглымъ огнемъ. Признаюсь, рѣдко когда приходилось мнѣ переживать подобную передрягу. Во время атаки, которая къ тому же и не можетъ быть продолжительной, каждый всадникъ, находясь въ оживленіи, наноситъ удары, парируетъ, если можетъ, ему наносимые, вообще, тутъ существуетъ движеніе, дѣйствіе, борьба человѣка съ человѣкомъ, но въ данномъ случаѣ было нѣчто совсѣмъ другое. Неподвижно стоя передъ русскими, мы отлично видѣли, какъ орудія заряжались тѣми самыми снарядами, которые должны были летѣть въ нашу сто рону, и какъ производилась наводка орудій наводчиками; требовалась извѣстная доля хладнокровія, чтобы оставаться въ этомъ неподвижномъ состояніи. Къ счастью, вслѣд-

Взятіе главнаго редута подъ Москвой, 7-го сент. (26 авг.) 1812 г. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

¹⁾ Этотъ эпизодъ разсказа офицера дивизіи С. Жерменя полонъ интереса и совершенно новъ для изслѣдованія дѣйствій здѣсь дивизіи С. Жерменя. Выходить, что дивизія эта или часть ея была направлена правѣе флешей, между флешами и полосой кустовъ, не переходя Семеновскаго оврага.

ствіе ли взволнованнаго состоянія прислуги или плохой стрѣльбы, или по причинѣ близости разстоянія, но только картечь перелетала наши головы въ нераскрытыхъ еще жестянкахъ, не успѣвъ разсыпаться и разсѣяться своимъ безобразнымъ вѣеромъ 1).

Долго простояли мы здёсь, ожидая пёхоты ²).

Наконець, подошла Вестфальская пѣхота (дивизія) и стала позади насъ отдѣленная отъ русскихъ двумя шеренгами нашихъ лошадей, совершенно нами прикрытая, но, когда поворотомъ «по взводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которымъ пѣхота могла бы пройти впередъ, стать передъ нами и вступить въ бой, то бѣдные вестфальцы, на половину рекрута, изумленные подобной близостью орудій, а также и подъ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что мы собираемся отходить, начали кричать: «Wir bleiben nict hier, wir bleiben nicht hier» ³) и пожелали присоединиться къ нашему отступательному движенію.

Это обстоятельство вынудило насъ вернуться, чтобы поддержать или, върнъе, успокоить пъхоту, по пятамъ которой шли наши лошади. Этимъ маневромъ мы продвинули пъхоту эту къ краю оврага, въ который и заставили ее спуститься на нъсколько шаговъ, съ разсчетомъ укрыть людей отъ огня русской артиллеріи, которая не могла уже теперь дъйствовать внизъ оврага. Эта пъхота изъ оврага немедленно открыла огонь по артиллеріи и прикрывающей ее кавалеріи. Тогда русской артиллеріи и кавалеріи, очутившейся въ 85 шагахъ подъ огнемъ пъхоты вестфальцевъ, только и оставалось, что отойти назадъ и дать мъсто своей пъхоть, которая и завязала ружейный огонь съ вестфальцами 4). Насъ отодвинули назадъ, чтобы вывести изъ сферы ружейнаго огня.

Во время этого движенія назадь, моя лошадь была ранена картечной пулей въ верхнюю часть шеи, подъ гривой, съ поврежденіемъ только мягкихъ частей.

Ставъ въ боевомъ порядкъ въ вырубленномъ лѣсочкъ, мы въ немъ нѣсколько передохнули, посматривая, что дълается передъ нами въ только что нами оставленной мѣстности. Много снарядовъ, однако, прилетали къ намъ сюда, напоминая, что мы все еще участники великой разыгрывающейся здѣсь драмы, и одинъ снарядъ ранилъ меня въ лѣвую руку 5).

это также важное и интересное наблюденіе, показывающее нѣкоторый дефектъ въ нашей стрѣльбѣ или, вѣрнѣе, въ нашихъ снарядахъ картечи.

Картечь гладкихъ орудій пом'єщалась въ жестянкахъ, которыя, по вылетѣ, разлетались, а пули продолжали летѣть со скоростью, сообщенной жестянкѣ.

²⁾ Также интересная подробность для изследованія Бородинскаго сраженія. 8-й Вестфальскій корпусь быль позже другихь корпусовь введень въ дело на этомъ фланге, где дивизіи Кампаня Дессе, Ледрю и Разу были совершенно разстроены.

^{3) «}Мы здёсь не останемся, мы здёсь не останемся!...»

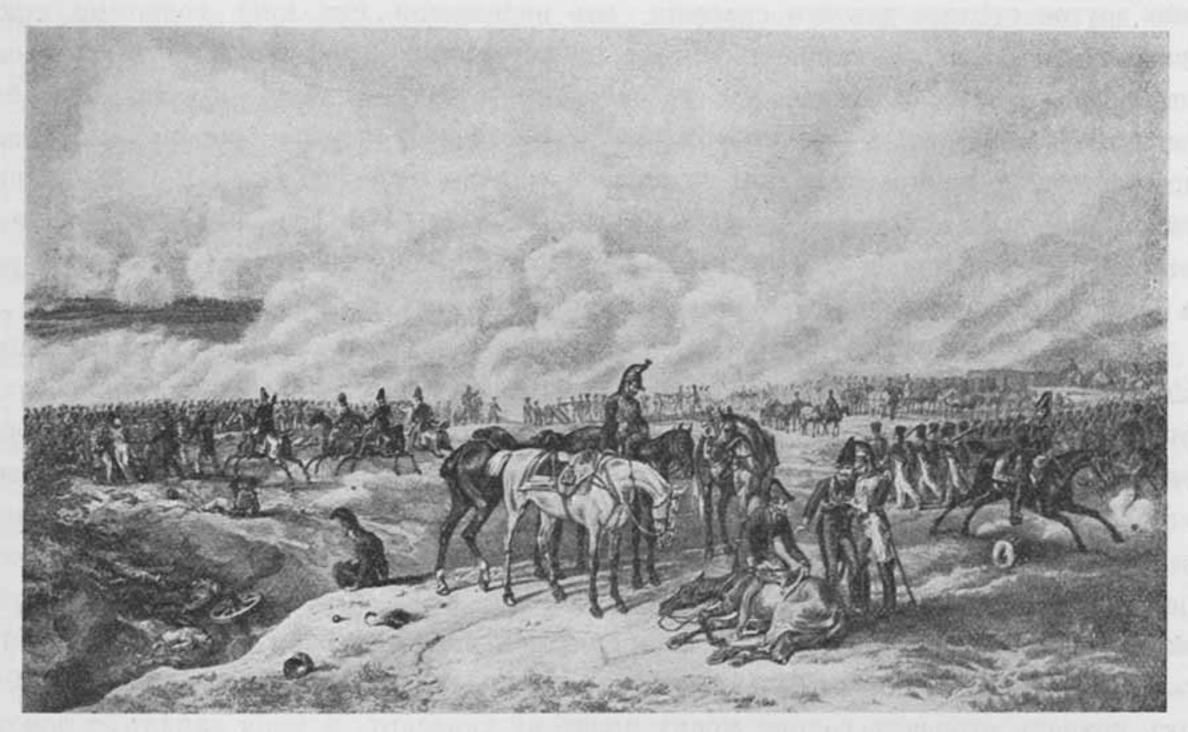
⁴⁾ Это свидътельство даетъ очень интересныя данныя о нахожденіи 2-го кирасирскаго полка на крайнемъ правомъ флангъ всего здъсь, у Семеновскаго оврага, расположенія французовъ, и вестфальцы были двинуты сюда позднѣе для связи дивизій Даву и Нея съ Понятовскимъ, наступавшимъ къ Утицъ и одновременно и для обхода нашего здъсь, у Багратіоновыхъ флешей, и Семеновскаго оврага расположенія. Также интересно узнать, что 2-й кирасирскій полкъ, а, можетъ быть, и другія еще части дивизіи С. Жерменя не переходили Семеновскаго оврага.

⁵⁾ Здѣсь дѣйствовали наши: полки 4-го кавалер. корпуса, 2-й кирасирской дивизіи, 17-й пѣхотной дивизіи и ея артиллерія и часть гвардейской артиллеріи.

Во время этой передышки на нашемъ правомъ флангѣ, сраженіе заканчивалось на нашемъ лѣвомъ ¹), гдѣ начальствовали Монбренг и Коленкуръ, оба убитые во главѣ своей кавалеріи ²).

Они атаковали правое крыло русской арміи, заставивь ее обнажить свой центрь, дабы поддержать свой правый флангь, взятый во флангь этой активной стратагемой ³).

Для насъ этимъ эпизодомъ и закончился боевой день, да и было уже время такъ какъ наши люди и, въ особенности, лошади изнемогали отъ усталости п

Бородинское сраженіе 26-го авг. 1812 г. Лѣвый флангъ арміи. Наступающій 4-й корпусъ. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

голода. Мы стали бивакомъ на самомъ полѣ сраженія. И печальная же была паша для нашихъ коней!!.. Что могли они найти на мѣстности, на которой въ теченіе 3-хъ сутокъ толпилось 300.000 лошадей!..

Тяжелая ночь эта прошла, наши лошади повли древесныхъ листьевъ, мы конины, въ которой не было недостатка, и, скажу больше, никогда еще ни одна бойня не была столь богато снабжена мясомъ.

8-го, по утру, мы уже были верхомъ, преслѣдуя русскую армію.

День сраженія 7-го сентября сопровождался многими эпизодами. Помню, что въ то время, когда мы послѣ атаки, доведенной (только) до оврага, стояли въ

¹⁾ Несовсѣмъ на лѣвомъ, а только на лѣвомъ того участка французскаго расположенія, который выстроился вдоль Семеновскаго оврага, авторъ какъ бы не признаетъ 4-го Итальянскаго корпуса, бывшаго еще лѣвѣе. Б. К.

²⁾ Монбренъ убитъ еще въ началѣ дѣла, во главѣ своего 2-го кавалер. корпуса, бывшаго еще въ резервѣ, а Коленкуръ по окончаніи атаки 5-го кирасирскаго полка нашего центр. редута. Б. К.

³⁾ Это совершенно вѣрно, это былъ ловкій маневръ, чистая стратагема: 2-й кавалер. корпусъ скакалъ на пѣхоту, стоявшую далеко позади центр. редута, и, поравнявшись съ нимъ, повернулъ круго налѣво и взялъ его съ горжи, т. е. съ тыла, такъ и было условлено, а съ фронта тогда подошли 4 дивизіи вице-короля Евгенія Богарне, и редутъ былъ взятъ. Б. К.

боевомъ порядкѣ въ лѣсочкѣ, я услышалъ позади насъ жалобные крики и пошелъ съ товарищемъ въ сторону этихъ криковъ. Мы нашли подъ дубомъ молодого унтеръ-офицера легкой пъхоты, у котораго нога была оторвана ниже колъна и держалась только кускомъ мяса у икры. Молодой человъкъ, полный мужества, повъдалъ намъ, что онъ нъсколько разъ пытался встать и идти, но тяжесть ноги такъ больно отзывалась на клочкъ мяса, соединявшимъ верхнюю часть ноги съ нижней, что онъ быль не въ состояніи это исполнить. Онъ настойчиво умоляль насъ избавить его отъ безполезной теперь части тѣла. Лишенные возможности что либо другое сдълать для его спасенія, мы перевязали ему ногу возможно туже платками изъ его же кармана, затъмъ я переръзалъ упомянутый кусокъ мяса, устроили тампоны, помогли мы несчастному и встать, дали ему для службы костылей два ружья, и онъ побрель на перевязочный пункть, говоря: «ну, уже чего-чего, а мужества-то у меня хватить, теперь я спасень». Бѣдный юноша! думаю, напрасны его надежды на личное мужество, могъ ли онъ далеко уйти, потерявъ столько крови и продолжая ее терять, да еще при отсутствіи лигатуры на артеріи; навърное, въ одиночествъ умеръ въ этомъ лъсочкъ.

Одинъ кирасиръ моего эскадрона, дълавшій свой первый походъ, такъ напугался во время нашей стоянки у оврага (Семеновскаго) подъ дулами русскихъ орудій, что когда мы стали въ ліскі, гді уже было не столь опасно, то, охваченный паническимъ страхомъ, онъ хотель бежать во чтобы-то ни стало, уверяя меня, что будеть непремънно убить, если ему не позволять удалиться. Ставъ около него, я старался его ободрить, что мнѣ отчасти и удалось. Въ это же время, измученный усталостью и голодомъ, не имъя съ утра, что называется, «маковой росинки», я попросиль товарища поделиться хлебомь, котораго у него быль небольшой кусокъ. Только что протянуль я руку за своей долей хлѣба, какъ снарядъ оторвалъ голову моему молодому кирасиру, а меня ранилъ въ локоть руки, протянутой за хлѣбомъ, который упалъ одновременно на землю. Осмотрѣвъ мою раненую руку, я, къ великой моей радости, замѣтилъ, что отдѣлался лишь контузіей кости локтя, довольно, впрочемъ, бользненной. Я старался отдать себь отчеть въ способъ моей раны и убъдился, что снарядъ пронесся надъ моей рукой, расположенной ниже оторванной головы кирасира, и что мою руку задёла часть упавшей его каски. Я отделался только продолжавшимся некоторое время онемѣніемъ руки.

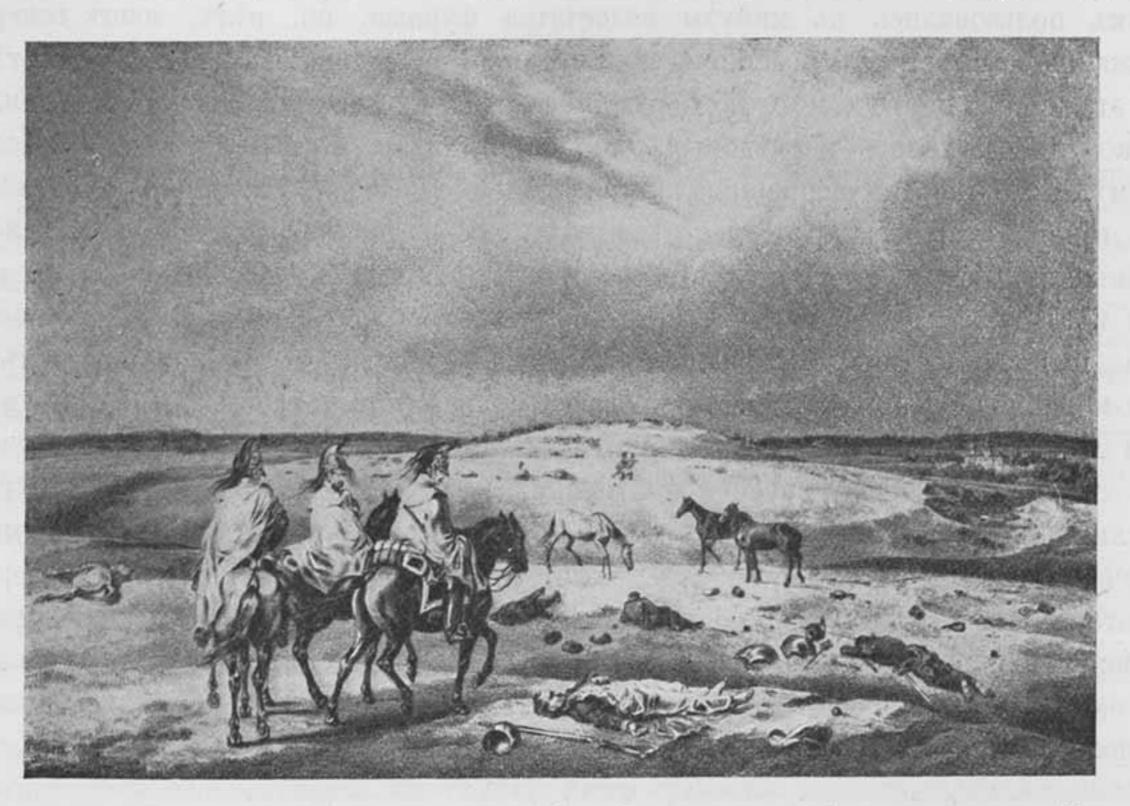
Однако, я не хотѣлъ лишиться куска хлѣба и поднялъ его концомъ палаша и, замѣтивъ, что онъ обрызганъ мозгомъ убитаго кирасира, только срѣзалъ омоченный имъ кусокъ.

Я часто слышаль, что солдаты во время боя обладають даромь предчувствія смерти, но могу удостов рить, что только разь въ жизни солдать громко заявиль просьбу удалиться въ ув ренности, что будеть убить, и если бы только долгь не требоваль отъ меня удерживать людей въ строю и ободрять ихъ, то я уступиль бы просьб несчастнаго.

На другой день послѣ этого кроваваго сраженія, гдѣ 60.000 человѣкъ заплатили своей жизнью за честь, чтобы потомство сказало о нихъ, что «они были въ сраженіи подъ стѣнами Москвы», нашъ командиръ полка, проѣзжая полемъ

сраженія, получиль приказаніе составить и представить неаполитанскому королю (Мюрату) наградные списки. Мы съ полковникомъ пріостановили нашъ объёздъ, я сёль на убитую лошадь, а столомь мнв послужила задняя часть кирасы, положенная на кольни. Подъ диктовку полковника, я составиль списки убитыхъ офицеровъ всёхъ чиновъ, съ отметкой замены ихъ соответственно представлению командира полка, а также списокъ наградъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ. Полковникъ внесъ меня въ оба списка, но, какъ оказалось, все было напрасно; не судьба была нашей дивизіи что-либо получить за эту фатальную кампанію: ни одно производство и ни одна награда не вознаградили насъ за наши труды и раны. Въ Москвъ Императору было уже не до того, или, какъ поговаривали, недовольный Сенъ-Жерменомъ, онъ его порядочно таки разнесъ и ничего не хотель дать дивизіи, и вышло, что мы были наказаны за неспособность своего начальника. Говорю, за неспособность, такъ какъ С.-Жерменъ-старый рубака, обязанный карьерой своей храбрости, не быль на высоть своего положенія. Излишне осторожный, онъ погубиль часть лошадей своей дивизіи. Никогда, даже въ минуты полной безопасности, наши лошади не облегчались и, еще болъе, не разсёдлывались. Каждую ночь предшествовавшій намъ полкъ легкой кавалеріи и бивакировавшій впереди и намъ паралельно имѣлъ въ главной заставѣ 50 человъкъ, а мы, позади, -- въ 150 человъкъ и посты съ пистолетами въ рукахъ выдвигались еще впередъ въ 140 шаговъ отъ 1-й линіи, которая пользовалась уже достаточнымъ покоемъ.

Понятно, что эти 150 лошадей, бывшія цёлый день подъ верхомъ и долженствовавшія цёлую ночь быть въ сторожевомъ охраненіи, а слёдующій день опять на 12 часовъ быть въ походё, не могли долго выдерживать подобную службу. Охраняемыя восемью, бывшими впереди насъ, полками легкой кавалеріи, мы были

Поле битвы подъ Москвой 8-го сент. (27 авг.) 1812 г. На заднемъ планѣ виденъ курганъ Раевскаго съ тыльной стороны.

вполнѣ обезпечены отъ всякихъ нечаянностей и нападеній и смѣло могли бы ограничиться выставленіемъ только лагернаго штандартнаго караула у ставки командира на правомъ флангѣ. Кромѣ того, на разсвѣтѣ, и даже ранѣе, лошади были уже замундштучены, а люди въ кирасахъ, имѣя на отдыхъ всего 2 или 3 часа, а лошади для подкрѣпленія силъ имѣли только траву или зеленый несжатый хлѣбъ, который мы для нихъ рѣзали, что было, конечно, далеко не питательно. Въ теченіе уже многихъ мѣсяцевъ бѣдныя животныя не знали, ни овса, ни сѣна 1).

Кром'в того, обыкновенно, отъ 11 часовъ до 2 какъ бы по взаимному соглашенію, и русскіе и мы прекращали бой и марши. Мы вид'єли, какъ русскіе сл'єзали съ коней, размундштучивали ихъ и кормили и то же самое прод'єлывала и легкая кавалерія, казалось, и намъ сл'єдовало исполнять то же самое, но, н'єть, генералъ С. Жерменъ держалъ насъ въ строю, и мы стояли впереди лошадей, держа ихъ въ поводу. Чего же намъ было опасаться? Да, конечно, нечего! Не могли же мы ожидать нападенія отъ войскъ, все время, съ начала кампаніи, отступавшихъ передъ нами, да, кром'є того, мы всегда усмотр'єли бы ихъ приготовленія и движеніе по равнинѣ и, пока наша первая линія получала бы ударъ, мы 20 разъ усп'єли бы взнуздать лошадей и вскочить на нихъ, в'єдь, это было минутное д'єло.

Приведу еще примъръ, ярко иллюстрирующій неразумное командованіе дивизіею генераломъ С. Жерменомъ. При вступленіи въ Россію, мы получили приказаніе, чтобы каждый всадникъ имѣлъ сѣтку для сѣна (un botillon de foin), хорошо умятую, однообразно скрученную, въсомъ въ 8-10 фунтовъ, расположенную на плащахъ и сверхъ чемодановъ и переметныхъ сумъ съ овсомъ и съ провіантомъ, такъ что сзади весь вьюкъ доходиль до плечь. Эта столь практикуемая въ кавалеріи предосторожность была очень хороша при условіи, чтобы этимъ свномъ пользовались въ минуты недостатка фуража, но, нътъ, нашъ генералъ строжайше запретиль подобное пользованіе, и кончилось, наконець, тімь, что это стно, непрестанно подверженное дъйствію дождя, солнца и пыли, не только что сдёлалось несъёдомымъ, но стало гнить, вонять и увеличиваться въ объемъ. Каждый день испрашивалось разръшение выбросить это съно и каждый разъ генералъ намъ въ этомъ отказывалъ. Я постоянно приставалъ къ своему полковнику, чтобы онъ приказалъ выбросить эту гниль, но онъ каждый разъ, хотя и съ видимымъ сожалѣніемъ, отказывалъ, ссылаясь на строжайшее запрещеніе начальника дивизіи. Наконець, въ одно прекрасное утро, я получиль отъ него полномочіе запросить командировъ двухъ другихъ полковъ дивизіи, не пожелали ли бы они выбросить эти злополучныя сътки, такъ какъ онъ ръшилъ избавить отъ нихъ своихъ лошадей. Я отправился къ командирамъ 3-го и 9-го кирасирскихъ полковъ (полковникамъ Дуденарду и Мюрра) и сообщилъ имъ о моемъ порученіи. Полковникъ Дуденардъ, человѣкъ властолюбивый и съ характеромъ, адъютантъ Императора, мало боялся С. Жерменя и весьма охотно принялъ предложеніе; полковникъ же Мюрра, хотя и не взяль бы на себя иниціативу этого діла, но, опираясь на решеніе своихъ товарищей, также согласился, и я, вернувшись въ полкъ, приказалъ выбросить, наконецъ, эти сътки.

¹⁾ Очень интересная характеристика довольствія лошадей французской кавалеріи 1812 г., объясняющая огромный падежъ лошадей; послѣ Бородина кавалерія эта уже не могла поправиться. Б. К.

Общее ликованіе и ура было отвѣтомъ на это распоряженіе; сѣтки мгновенно были вынуты, выброшены и сѣно пущено на вѣтеръ.

Когда мы садились на коней, генераль пришель въ неописанное бъщенство, но дъло было непоправимо, фактъ совершился, и ругательства изъ лексикона С. Жерменя послъдовали по вътру вслъдъ за гнилымъ съномъ его возлюбленныхъ сътокъ, отъ которыхъ отдълались наши лошади, а мы очистились.

Тяжесть службы подъ его начальствомъ заключалась въ томъ, что грубый отъ природы, онъ, подъ вліяніемъ спирта, уже не зналъ удержи въ своей грубости, уже и безъ того не нуждавшейся въ возбужденіи.

Я невольно отвлекся отъ составленія «наградныхъ листовъ» на полѣ Бородинскаго сраженія. Подписавъ листы, мой командиръ приказалъ мнѣ розыскать главную квартиру Мюрата и представить листы Его Величеству. Послѣ долгихъ поисковъ, я, наконецъ, нашелъ Неаполитанскаго короля и какъ разъ въ ту минуту, когда онъ отправлялъ почту во Францію. Я просилъ дежурнаго адъютанта разрѣшить и мнѣ воспользоваться оказіей и послать нѣсколько словъ моей семьѣ, на что онъ охотно согласился. Я наскоро набросалъ два письма, одно моей матери, другое женѣ моего командира, г-жѣ Ролланъ, жившей въ Мецѣ. Мои два письма были посланы съ корреспонденцією короля и, какъ я узналъ впослѣдствіи, оба дошли по назначенію. И они не могли быть получены матерью и супругой болѣе кстати, какъ тогда, когда во Франціи распространилось извѣстіе о большомъ и кровопролитномъ сраженіи подъ Москвой.

ГЛАВА IV.

Въ Москвъ.

Ожиданіе второго рѣшительнаго сраженія подъ стѣнами Москвы.—Брошенныя русскими укрѣпленія.—
Кладбище.—Панорама Москвы.—«Голова колонны стой».—Императоръ передъ Москвой.—Французскій негоціантъ.—Порученіе, возложенное на дивизію С. Жерменя.—Расположеніе у рѣки и развѣдка Петербургской дороги.—Картофельное поле.—Свекла и ея употребленіе.—Запасы картофеля.—Возвращеніе разъѣздовъ.—Бивакъ подъ Москвой.—Кирасиры въ Москвъ.—Возвращеніе съ добычей.—Вино и шампанское.—Веселье на бивакъ.—Дымъ надъ Москвой.—Авторъ въ городѣ ищетъ квартиру.—Распущенность войскъ въ Москвъ.—Вступленіе гвардіи и ея привеллегированное положеніе въ Москвъ.—Необходимость введенія въ бой гвардіи подъ Бородинымъ.—Грабежъ гвардіею Москвы и устройство гвардейцами торговли награбленнымъ.—Недостойное поведеніе гвардейцевъ въ Москвѣ и ненависть къ нимъ въ арміи.—Послѣдствія этого поведенія.—Причины болѣе быстрой деморализаціи гвардіи при отступленіи.—Разъѣзды и фуражировки.

Съ 7-го по 14-е сент. (съ 26-го авг. по 2-е сен. ст. ст.) мы продолжали преслѣдованіе отступавшаго противника, не видя съ его стороны попытокъ оборонять встрѣчавшіеся по пути позиціи. Мы ожидали, что онъ стянеть всѣ свои силы къ Москвѣ, съ цѣлью дать намъ здѣсь рѣшительное сраженіе, но этого не было. Русская армія тѣмъ болѣе была разстроена послѣ сраженія у Бородино, что никто въ этой арміи не сомнѣвался въ успѣхѣ этого сраженія, мало того, русскіе полагали, что Бородинская позиція есть не только «Өермопилы», но что Бородинскія поля послужать могилой французской арміи.

Вслѣдствіе этого русскіе генералы не рѣшались вторично испытать судьбу оружія, убѣжденные, что второе неизбѣжное пораженіе (?) еще болѣе увеличить разстройство войскъ и уменьшить численность арміи 1).

Ничто не предвѣщало близости большого города, тѣмъ болѣе—столицы. Мы подходили къ Москвѣ, совершенно того не замѣчая. 14-го сент. (2-го ст. ст.) мы увидали редуты и окопы, возведенные на равнинѣ; ни одинъ ружейный выстрѣлъ не послѣдовалъ при нашемъ приближеніи, и мы безъ сожалѣній прошли мимо этихъ оборонительныхъ сооруженій.

Мъстность къ городу нъсколько возвышалась; громадное кладбище съ надгробными памятниками и мавзолеями предвъщало близость большого города, мы взобрались на небольшое возвышение и оттуда передъ нашими взорами развернулась панорама Москвы, съ золотыми куполами ея многочисленныхъ церквей.

Garde d'honneur. Съ ориг. рис. худ. Раффе. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

Наконецъ, мы достигли Москвы, предмета нашихъ вожделѣній, о которомъ мы говорили сто разъ на день. Видъ этотъ, который долженъ былъ преисполнить насъ радостью, не произвель, однако, на насъ всего ожидаемаго впечатлѣнія. Вмѣсто населенія, которое должно было, казалось, жадно созерцать этихъ, пришедшихъ на завоеваніе ихъ страны, людей запада, насъ встрътило мертвое молчаніе; молчаніе, тімъ тяжелѣе насъ поразившее, что легкомысленный, веселый и любезный отъ природы французскій солдать, полагаетъ, что и другія народности обладають тыми же свойствами своихъ характеровъ.

Съ этой возвышенности намъ оставалось сдълать только нѣсколько наговъ, чтобы вступить въ Москву, и наши трубачи были уже на мосту у входа въ городъ, когда крикъ: — «голова колонны стой» («halte la tête»), шедшій отъ хвоста и переходившій изъ устъ въ уста, донесся до насъ. Мы остановились, и мимо

насъ проскакалъ галопомъ Императоръ, окруженный многочисленнымъ штабомъ и конвоируемый гвардейскими конно-егерями. Онъ остановился въ 3—4 шагахъ отъ нашей колонны, на правомъ ея флангѣ и впереди своей свиты.

^{1) «}Съ потерей Москвы, спасена армія», сказаль по этому поводу мудрый Кутузовь и, жертвуя Москвой, положиль прочное основаніе разрушенію французской арміи и началу конца этой войны.

Такъ какъ я лично могъ передвигаться по желанію, то провхаль вдоль колонны и всталъ наравив съ Его Величествомъ, вправо и въ 3-хъ всего отъ него шагахъ, чтобы разглядвть его поближе: интересно было наблюдать впечатлвніе, производимое на него видомъ того, къ достиженію чего онъ стремился больше всвхъ насъ!.. Что долженъ былъ онъ думать объ оставленіи Москвы русской арміею, объ этомъ пустынномъ безмолвіи, объ этомъ полномъ отсутствіи жителей?!.

Вооружившись подзорной трубой, онъ молча разсматривалъ всю эту массу домовъ, церквей и дворцовъ. Наконецъ, изъ Москвы явился адъютантъ начальника штаба арміи (Бертье) въ сопровожденіи какого-то штатскаго, одѣтаго, подобно пажу герцога Мальборо, во все черное; длинный и худой, лѣтъ сорока, штатскій оказался живущимъ въ Москвѣ негоціантомъ-французомъ. Онъ поклонился Императору и со шляпой въ рукѣ всталъ у головы его лошади

Уланъ 1812 г. Lancier Rouge. Съ ориг. рис. худ. Раффе. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

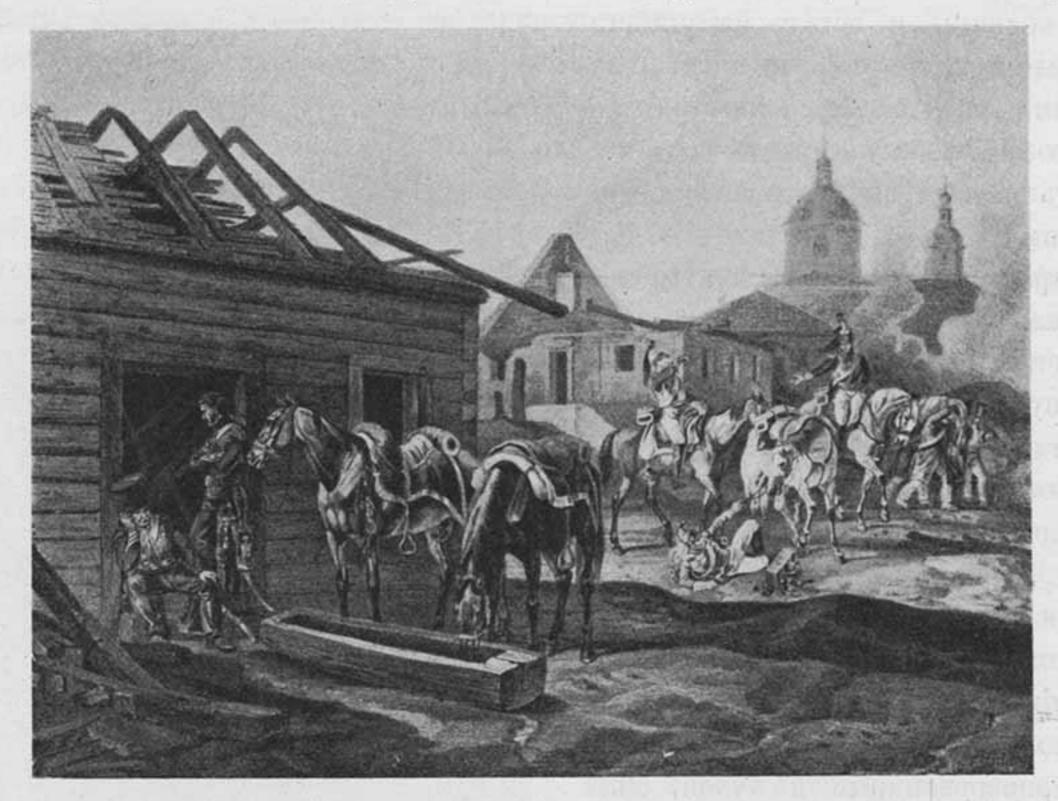
у лѣваго стремени и такимъ образомъ очутился лицомъ ко мнѣ, а Императоръ оставался между нами. Сначала онъ только отвѣчалъ на предложенные вопросы, и я очень сожалѣлъ, что не слышалъ ни вопросовъ, ни отвѣтовъ, но, мало по малу, онъ оживился, лѣвой рукой взялъ гриву лошади Его Величества и началъ размахивать правой рукой, держа въ ней шляпу. Вотъ какимъ образомъ узналъ Императоръ объ оставленіи Москвы ея жителями, исключая довольно, впрочемъ, многочисленныхъ иностранцевъ.

Послѣ этого разговора, длившагося около получаса, Императоръ все же не могь опредѣлить направленія, принятаго русской арміею, и измѣниль свой приказь (порядокъ) движенія частей арміи. Я слышаль, какъ, позвавъ нашего генерала, онъ сказаль ему слѣдующее: «Вмѣсто вступленія въ Москву, вы подниметесь вверхъ по теченію рѣки до деревни въ поль-лье отсюда, тамъ вы найдете бродь, перейдете имъ съ дивизіей на тотъ берегъ и станете на позиціи при въѣздѣ въ городъ, съ этой стороны и вдоль рѣки, и немедленно вышлите разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, идущимъ отъ васъ къ лѣсамъ вокругъ (т. е. къ сѣверу). Разъѣзды пройдуть впередъ на 2 лье и, какъ только вернутся обратно, вы пошлете донесеніе начальнику Главнаго штаба и будете ждать приказаній».

Затѣмъ Императоръ вступилъ въ Москву, а мы, повернувъ налѣво, пошли по дорогѣ вверхъ и вдоль рѣки и нашли указанную деревню ¹). Намъ не пришлось

¹⁾ По нашимъ даннымъ, влѣво, кругомъ сѣверной окраины города, направлены I и III кав. корп., причемъ первый (Нансути) расположился у Петровскаго дворца, на Тверской дорогѣ, что и отвѣчаетъ показанію автора воспоминаній. Остается допскаться деревни, вблизи которой дивизія С. Жерменя пе

долго искать брода: свѣжіе конскіе слѣды и колеи прослѣдовавшихъ здѣсь телѣгъ достаточно указали мѣсто брода; двѣ телѣги съ русскими ранеными застряли у

Москва 22-го сентября 1812 г. Съ ориг. рис. съ натуры очевидца худ. Адама (Adam). Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

рѣки, и мы прослѣдовали мимо и около нихъ. Лишь только дивизія, согласно приказанію, стала у рѣки въ боевомъ расположеніи, какъ были высланы разъѣзды по всѣмъ дорогамъ и дорожкамъ, выходившимъ на равнину, на которой расположилась Москва.

Равнина эта не велика, она опоясана лѣсами, изъ которыхъ множество дорогъ ведутъ въ городъ.

Такъ какъ развѣдка должна была длиться около 3 часовъ, необходимыхъ на слѣдованіе 2 лье, то мы, переставъ ею интересоваться, обратили наши взоры на Москву, отъ которой ждали отдыха, изобилія и скораго возвращенія въ отечество.

Во время нашей остановки мы замѣтили, что наши кони топчатъ картофельныя поля, что было для насъ, поистинѣ, гастрономической находкой. Въ первый разъ, начиная отъ Вильны, попался намъ картофель. Драгопѣнный корнеплодъ былъ еще мало распространенъ въ этой печальной странѣ, а изъ овощей воздѣлывали капусту, росшую на высокихъ стебляхъ, огромную черную рѣдьку и свеклу, преобладавшую по преимуществу. Эту свеклу обмываютъ, кладутъ въ бочки и наливаютъ сквернымъ уксусомъ изъ сока березы (?); она дѣлается кислой и воню-

решла Москву рѣку. Не лишена интереса эта отдача Наполеономъ лично приказанія С. Жерменю и, вообще, его личныя заботы и распоряженія при вступленіи въ Москву. ПІ же кавалер. корп. (Групіи) сталъ на дорогѣ, ведущей въ Дмитровъ, и рядомъ съ корпусомъ Нансути, П и ІV кавалер. корпуса пошли за Мюратомъ прямо къ Яузскому мосту.

чей, и насъ отъ нее тошнило, что не мѣшало, однако, нашимъ солдатамъ поѣдать ее съ жадностью; недаромъ, по Лафонтэню, «голодное брюхо—глухо».

Лично я допускаль одинь способь приготовленія этой омерзительной свеклы, заключавшійся въ бросаніи свеклы въ огонь въ горячіе угли, чтобы она испеклась, съвсть затвмъ кожицу, снова бросить ее въ огонь, дать ей снова испечься и такъ продолжать, пока ничего не останется; испеченная, она теряла кислоту и свой отвратительный вкусь, но поглощеніе ея требовало у меня цёлыхъ полчаса времени.

Не зная, гдѣ будемъ мы въ этотъ день бивакировать, мы поспѣшили дать нашимъ кирасирамъ разрѣшеніе сойти съ коней, и они принялись копать своими палашами картофель, сдѣлали его большой запасъ и нагрузили имъ лошадей; мы имѣли теперь въ перспективѣ давно невиданный нами ужинъ.

Наконецъ, одинъ за другимъ, вернулись обратно наши развѣдчики; они не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ войскъ, и мы удостовѣрились, что русская армія не отступила къ Петербургу по Новгородской дорогѣ 1).

Мы получили приказаніе стать бивакомъ на занимаемой нами мѣстности и, лишь только наши лошади были стреножены, какъ всѣ наши кирасиры отправи-

лись въ Москву и, спустя нѣкоторое время, вернулись обратно, нагруженные всёмъ, что только можно было найти, въ особенности же по части съвстнаго. Преобладало же вино и, въ особенности, шампанское, до котораго русскіе, видимо, большіе охотники. Привезенныя изъ столь далека вина были лучшихъ французскихъ сортовъ и крѣпкія и они ударили въ головы нашихъ кирасиръ. Ни на одномъ бивакъ не было еще такъ весело, всѣ пѣли, вспоминали Францію и восхваляли ея вина. Къ вечеру, къ большому сожалѣнію, замѣтили мы дымъ надъ Москвой, что приписали поджогамъ грабителей. Мы были далеки отъ мысли, что поджоги будуть повторяться въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что еще утромъ она была очищене русскими войсками и жителями и не было никакихъ признаковъ пожара.

На другой день я отправился въ Москву получить и высмотрѣть квартиру командиру полка. Квартира

Драгунъ Императрицы 1812 г. Съ ориг. рис. худ. Раффе. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

¹⁾ Это сообщеніе объ освіщеніи разъйздами путей къ сіверу отъ Москвы не лишено интереса, равно и въ расположеніи кавалерійскихъ дивизій съ этой цілью на окраинахъ города. Изъ этого также видно, что Наполеонъ допускалъ возможность отступленія нашей арміи къ Петербургу.

была отведена у нѣмца антекаря, съ которымъ я долго бесѣдовалъ и который мнѣ сообщилъ массу подробностей о прохожедении русской армии черезъ городъ, о громадномъ количествѣ раненыхъ и объ оставленіи города жителями, которыхъ къ этому вынуждали, изображая французовъ разбойниками, совершающими всякія преступленія и довершающими ихъ поджогами. Отъ того же антекаря я узналь, что доставленный Императору вчера субъектъ былъ французскій негоціантъ. Позавтракавъ, я вернулся на бивакъ. Мой командиръ, однако, не пожелалъ воспользоваться квартирой, находя ее слишкомъ удаленной отъ полка, и я болѣе не видѣлъ моего антекаря и не знаю, что сталось съ нимъ послѣ пожара его дома и антеки.

Весь этотъ день у насъ царила полная распущенность, но, вотъ, пришла Императорская гвардія, разошлась по всему городу, заняла всѣ дома и не дозволила нашимъ людямъ заниматься мародерствомъ.

Императорская гвардія была идоломъ своего шефа—Императора, который донельзя ее баловаль, почему она стала заносчивой и дерзкой по отношенію арміи, которая ее не любила и къ тому же упрекала въ томъ, что она не ходила въ огонь и не несла тягостей сраженій. Упрекъ заслуженный, но его слѣдовало отнести болѣе къ Императору, который не хотѣлъ пускать ее въ бой. Гвардія была его резервомъ и онъ не хотѣлъ, чтобы говорили, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому резерву, не допуская и мысли, чтобы тѣла его гвардейцевъ покрывали собой поля сраженій 1). Я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и только одинъ всего разъ, при Гаунау, видѣлъ гвардію, построившую боевой порядокъ и пошедшую въ атаку съ почетнымъ конвоемъ включительно 2).

Если бы въ день Бородинскаго сраженія, вечеромъ, Императоръ двинулъ бы впередъ, намъ на смѣну, свою свѣжую, нетронутую гвардейскую кавалерію, о чемъ напрасно его умоляли, то, повторяю, исходъ сраженія былъ бы другой, мы же, вслѣдствіе невѣроятнаго утомленія и истощенія людей и, въ особенности, лошадей, уже не были способны рѣшить участь дня; остатки русской арміи были бы уничтожены, тогда какъ ей была предоставлена возможность спокойнаго отступленія 3). Но Императоръ хотѣлъ вступить въ Москву съ своей гвардією, столь же прекрасной и столь же многочисленной, какъ и при ея выступленіи изъ Парижа, и, если только онъ хотѣлъ похвалиться ею передъ жителями Москвы, то онъ въ этомъ успѣлъ бы. Такъ или иначе, но, явившись въ Москву, гвардія рѣшительно всѣмъ овладѣла, отодвинула чиновъ арміи и жила въ полномъ довольствѣ, такъ какъ послѣ пожара, вернувшись на развалины домовъ, гвардейцы рылись въ под-

¹⁾ Этотъ упрекъ ставится Наполеону большинствомъ историковъ, но его еще можно оспаривать. Цъль боя—моральное потрясеніе противника—не была достигнута, и введеніе гвардіи было бы равносильно принесенію въ жертву послѣднихъ частей, когда впереди еще кампанія и возможность новаго сраженія подъ Москвой, а источники пополненія далеки!.. Вообще, вопросъ этотъ рѣшается не такъ легко, какъ кажется. Незнаніе Россіи, непониманіе русскихъ—вотъ главный упрекъ Наполеону, а противника своего надо знать и понимать.

Б. К.

²⁾ Это несправедливо: подъ Аустерлицемъ Наполеонъ ввелъ въ дѣло часть гвардейской кавалеріи, подъ Прейсишъ-Эйлау—всю гвардейскую кавалерію безъ остатка, до послѣдняго всадника, а въ центрѣ, у кладбища дралась и его пѣшая гвардія, подъ Бородинымъ же, правда, введена въ дѣло только гвардейская артиллерія. Подъ Малоярославцемъ введена въ дѣло итальянская гвардія, подъ Краснымъ—молодая гвардія.

³⁾ Это спокойное и, скажемъ, въ грозномъ порядкъ оступленіе показываетъ, что армія была только уменьшена въ численности, но не разстроена, и введеніе Наполеономъ гвардіи увеличило ли бы только потерп сторонъ?!.

Б. К.

валахъ, въ которыхъ жители припрятали всякаго рода провизію, вина, ликеры и всякаго рода предметы; и вотъ, гвардейцы устроили себъ лавочки и открыли для армін торговлю, чёмъ только можно. Подобное поведение окончательно вооружило противъ нихъ всю армію, которая въ насмѣшку называла ихъ «московскими купцами» и «московскими жидами». Конечно, далеко не всѣ гвардейцы этимъ занимались, но упреки, сыпавшіеся на гвардію, имѣли свои основанія. То, что говорю, могу подтвердить, такъ какъ самъ купилъ себъ сукна на одномъ подобномъ базарѣ, устроенномъ Гвардейскими гренадерами.

Непріязнь эта принесла свои плоды во время отступленія, и солдаты арміи за это главенство гвардіи, которымъ она такъ грубо злоупотребляла, жестоко отомстили «московскимъ купцамъ» впослѣдствіи.

Мамелюкъ. Съ ориг. рис. худ. Раффе. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

Отрываясь или отставая оть своего корпуса, что случалось съ людьми и другихъ частей, гвардейцы брели обыкновенно совершенно одинокими и отовсюду, куда бы они ни подсаживались или ни пристраивались бы: къ костру ли или другому какому-либо пріюту, ихъ грубо отгоняли, ругая жидами и купцами.

Къ чувству эгоизма, овладѣвшаго людьми, находившимися въ непрестанномъ опасеніи за свое существованіе, угрожаемое противникомъ и зависѣвшее отъ холода и голода, присоединилось еще и чувство злопамятства по отношенію къ себѣ равныхъ, но когда-то ихъ унижавшихъ и продававшихъ имъ добро, ими же отвоеванное отъ противника; чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этомъ чувствѣ и его проявленіи, надо быть личнымъ свидѣтелемъ этой жестокости людей, рѣшительно во всемъ нуждавшихся, особенно въ пищѣ. Я не знаю, можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, и я тогда замѣтилъ, что именно люди этого отборнаго войска были деморализованы болѣе людей остальныхъ частей и, желая отдать себѣ отчетъ въ причинахъ подобнаго, я нахожу объясненіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ то время, когда армія дралась каждый день и бивакировала каждую ночь, подвергаясь всёмъ соотвётственнымъ лишеніямъ, гвардія находилась на особомъ положеніи, располагалась по квартирамъ въ городахъ, получала провіантъ отъ жителей и интендантскихъ чиновниковъ, которые не посмёли бы чего-либо недо-

дать гвардіи, окружающей своего вождя, да и какого еще вождя!.. Большинство гвардейцевъ были уже люди пожилые, отвыкшіе отъ трудностей бивачной службы и отъ лишеній въ пищѣ 1).

Въ то время, когда мы умирали отъ усталости и голода въ знаменитомъ лагерѣ около Калуги ²), гвардія оставалась въ Москвѣ въ безопасности, пользуясь всѣми благами, а когда она, въ концѣ концовъ, подверглась жестокостямъ зимы и лишеніямъ всякаго рода, то она начала страдать больше нашего, ненависть же, которую она возбудила противъ себя, ее окончательно деморализовала.

Какъ слѣдствіе подобной вражды, нѣсколько дуэлей между этими несчастными во время отступленія, при 20 градусахъ мороза; такъ, еще подъ стѣнами Смоленска, офицеръ Карабинернаго полка Дюборайль убиль офицера полка гвардейскихъ гренадеръ.

Еще нѣсколько дней оставались мы на мѣстѣ первоначальнаго расположенія, продолжая высылать разъѣзды, которые одновременно охраняли нашихъ фуражировъ и прикрывали ихъ при обратномъ ихъ возвращеніи.

ГЛАВА V.

Голодный лагерь (Винково).

Прохожденіе Москвы.—Дымящіяся развалины и искры.—На позиціи у Вилково.—Опасность положенія 1-го кавалер. корпуса.—Хитрость Мюрата.—Прибытіе остальной кавалеріи.—Оврать р. Чернишни.— Близость биваковъ русской арміи.—Фуражировки.—Дипломатическія предположенія и мечты офицеровъ.—Вѣдствія голоднаго лагеря.—Нечаянное нападеніе.—Заслуга Мюрата, его находчивость и мужество.—Мюрать ранень.—Контръ-атаки французской кавалеріи.—Слабая численность французскихъ эскадроновъ.—Дѣло у Спасъ-Купли.—Счастливый исходъ контузіи командирской лошади.—Мѣсто штандарта въ минуту свалки.—Фланговый маршъ на Старо-Калужскую дорогу.—На пути въ Калугу и Тулу.—Выжиданіе у Боровска.—Начало рокового отступленія.

Мы получили приказаніе выступить и прослѣдовали черезъ всю Москву или, вѣрнѣе, черезъ трупъ Москвы. На нѣкоторыхъ улицахъ еще дымились развалины

¹⁾ Въ совершенно обратномъ положеніи находилась наша гвардія въ 1812 г., для которой не дѣлалось исключенія: въ аріергардныхъ дѣлахъ лейбъ-гусары, лейбъ-уланы и лейбъ-драгуны то и дѣло посылались въ первую голову, особенно лейбъ-гусары; подъ Островно ихъ двинули, что называется, въ первую голову, а на лейбъ-драгунъ возложили тяжелую и опасную оборону въ пѣшемъ строю болотистаго лѣса. Подъ Бородинымъ опаснѣйшій пунктъ, сел. Бородино, занятъ былъ л.-гв. Егерскимъ полкомъ; первыя подкрѣпленія, посланныя на лѣвый флангъ, состояли изъ л.-гв. Кирасиръ Его и Ея Величествъ, гвардейской артиллеріи и Финляндскаго, Измайловскаго и Литовскаго полковъ и части эти и отстаивали грудью напоръ 3 пѣх. и 3 кавалер. франц. корпусовъ; легкая-гвард. кавал. дивизія пошла въ атаку съ Уваровымъ по ту сторону р. Колочи, а кавалергарды и конная-гвардія произвели рядъ атакъ въ центрѣ. А 1813 годъ, Кульмъ, Бауценъ, Люценъ, Дрезденъ?! А 1814 годъ, феръ-Шампенуазъ?!

²) Лагерь Мюрата въ Винково и насупротивъ нашего лагеря у Тарутино.

и вътеръ разносилъ такую массу искръ, что пришлось приказать людямъ накрыться плащами, для предохраненія нашихъ плотно набитыхъ пороховыхъ лядунокъ. Не-

большими переходами шли мы три дня и на третій день стали бивакомъ въ виду русской арміи (у Винково, противъ Тарутина). Мы находились въ 1-й линіи, мой полкъ во главѣ колонны.

Не знаю, куда была направлена наша легко-кавалерійская дивизія, но только въ теченіе 3-хъ недёль, что мы тамъ провели, мы ее ни разу не видъли. Мы не могли сомнъваться, что противникъ очень хорошо освъдомленъ обо всъхъ нашихъ движеніяхъ, равно и о нашей численности, а потому, когда Неаполитанскій король (Мюратъ) прибылъ въ нашъ лагерь, то нашель насъ здѣсь, на этомъ пунктъ, въ виду противника, очень слабыми и, опасаясь нечаяннаго нападенія, и съ цълью ввести противника въ заблуждение о нашихъ силахъ, прибъгнулъ къ фортелю (gasconnade). Онъ приказалъ

Составъ и численность по французскимъ оффиціальнымъ даннымъ:

V корпусъ Понятовскаго 7.000	ntv
Пъхотная дивизія Кланареда 2.900	II DA.
Дивизія Дюфюра съ легк. кав. див. 5.000	кав.
1-й кав. корп. Нансути 2.700	29
2-й " Себастіани съ легк.	
див. 3-го корп 4.200	*
3-й кав. корп. С. Жерменя 3.000	
4-й " "Латуръ-Мобура 1.700	
Bcero 26,000	
А за убылью около	всего
Въ томъ числъ около 14.000	кав,

къ 10-ти часамъ утра дивизіи быть на коняхъ и трубачамъ играть «во всю», а къ его прівзду и его объвзду по фронту встрвчать его громкими криками, какъ обыкновенно встрвчали мы самого Императора: «Да здравствуетъ Императоръ!» Все это, согласно его приказанію, было исполнено и настоящій энтузіазмъ не могъ бы произвести болье искусной манифестаціи, что я объясняю двумя обстоятельствами: во-первыхъ, большой популярностью этого самаго восклицанія, во-вторыхъ, желаніемъ исполнить приказаніе и угодить общему любимцу всей арміи и, особенно, кавалеріи—Мюрату.

Цѣль фортеля заключалась въ томъ, чтобы непріятель думалъ о прибытіи къ намъ Императора и чтобы этимъ внушить непріятелю мысль о неминуемости перехода нами въ наступленіе, чѣмъ всегда, по обыкновенію, сопровождалось прибытів Наполеона къ арміи, а, ожидая нападенія, непріятель врядъ ли рѣшился бы упредить его собственной атакой. Разсчеть оказался вѣрный, мы провели очень спокойную ночь, а утромъ, рядомъ и лѣвѣе насъ, увидали мы нашъ 2-й кавалер. корпусъ (бывшій Монбреня), состоявшій, какъ и нашъ, изъ 3-хъ дивизій: одной легкой и двухъ тяжелыхъ. Насъ раздѣлялъ ручей (р. Чернишня), протекавшій въ неширокомъ, но съ крутыми берегами оврагѣ, который, въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи, находился уже между нами и русскими и которому мы обязаны тѣмъ, какъ увидимъ далѣе, что, подобно 2-му кавалер. корпусу, не были атакованы днемъ или, вѣрнѣе, въ ночь на 18-е октября (6-го нашего стиля) нечаяннымъ нападеніемъ на нашъ лагерь русской арміи изъ Тарутинскаго лагеря (см.

приложенную отчетную карточку расположенія франц. кавалеріи въ лагерѣ у Винково) 1).

Наши биваки были столь близки къ лагерю русскихъ, что, когда вѣтеръ дуль въ нашу сторону, мы совершенно явственно слышали окрики русскихъ часовыхъ: «кто идетъ!» Цѣлые дни слушали мы также стрѣльбу ихъ рекрутовъ. Мы могли бы даже совершенно ясно разсмотрѣть (расположеніе) своихъ противниковъ, если бы не деревья и перелѣски между нами. Въ такомъ положеніи мы оставались, примѣрно, около недѣли, во всемъ нуждаясь ²).

По мѣрѣ того, какъ проходило время, мы ходили на фуражировки все дальше и дальше. Каждыя двое сутокъ часть полка садилась на коней и отправлялась за фуражемъ и провіантомъ, которые за послѣднее время находили не ближе 4—5-ти лье отъ бивака, такъ что фуражиры, отправившіеся утромъ, возвращались только вечеромъ. Во время ихъ отсутствія мы находились все время въ опасеніи ихъ захвата, и я не постигаю, какъ это намъ сходило, что они ни разу не были ни обезпокоены, ни потревожены ³).

Мы ничего не имѣли противъ отдыха, въ особенности, по отношенію нашихъ лошадей, но насъ все-таки удивляло столь продолжительное пребываніе на этомъ злополучномъ бивакѣ. Цѣлые дни проходили у насъ въ бесѣдахъ, дававшихъ широкое поле нашему воображенію; дѣлались всевозможныя предположенія, которыя безъ конца варьировались, и я приведу таковыхъ только два. Первое предположеніе было весьма правдоподобно: привыкшіе къ тому, что миръ заключался сейчасъ же послѣ того, какъ выигранныя сраженія открывали намъ двери столицъ, мы не сомнѣвались, что Императоръ обсуждаетъ въ Москвѣ условія мира—единственная причина, могущая задержать его побѣдное шествіе ⁴). Но, каковы же были эти условія мира? Каждый предлагалъ свои; многочисленныя и разнообразныя, всѣ они сочинялись къ чести нашей арміи и Франціи. Наиболѣе было распространено и наиболѣе правдоподобно предположеніе образованія Польскаго королевства, но для этого была необходима соотвѣтственная территоріальная компенсація русскаго Императора.

Къ этой территоріальной компенсаціи совершенно естественно была пригодна Турція, не говоря уже о томъ, что вся Европа признавала, что уже съ Императрицы Екатерины покореніе Турціи составляло непрестанное желаніе русскихъ государей и что присоединеніе Турціи увеличило бы ихъ территорію, могущество и дало бы обладаніе Чернымъ моремъ, создало бы Россію морской державой, открывъ ей Средиземное море, Архипелагъ и рынки востока. И вотъ, по нашимъ дипломатическимъ соображеніямъ, составленнымъ на этихъ бивакахъ, намъ пред-

Показанное на этой схемѣ расположеніе кавалеріи не согласуется съ таковымъ у Богдановича, думаємъ, что это вѣрнѣе, особенно по расположенію корпуса Нансути. По Богдановичу выходитъ, что 1-й и 2-й кавалер. корпуса раздѣлены не р. Чернишней, какъ говоритъ авторъ, а Рязанскимъ оврагомъ.

Б. К.

²⁾ Это, дъйствительно, быль бъдственный во всъхъ отношеніяхъ лагерь, но, къ чести французской кавалеріи 1812 года, скажемъ, части его были полны «духа живого» и кавалерійскихъ доблестей.

³⁾ Кто знаетъ, можетъ быть, и самъ Кутузовъ, ставя цѣлью возможное усыпленіе французской арміи и усыпленіе до времени, удерживалъ свою конницу отъ нападеній, очень неохотно, какъ извѣстно, разрѣшившій поискъ летучаго отряда ген. Дорохова на Смоленскую дорогу.

⁴⁾ Такъ оно и было во всей Европъ, но не такъ вышло только съ Россіею.

стояли зимнія квартиры въ богатой и плодоносной Украйнь, а весной—союзная русско-французская армія уже двигалась на покореніе Турціи, и каждый изъ насъ уже заранье мниль себя многобунчужнымь пашей. Въ своемъ воображеніи, мы уже считали долгомъ открыть двери гаремовъ, и роль многочисленныхъ жертвъ ихъ должна была измѣниться; вмѣсто стада, ожидающаго, кого изъ нихъ избереть себъ деспотъ-пастухъ, отнынѣ онѣ сами бросали платки (для указанія своего выбора) въ наши эскадроны. Каждый изъ насъ хотѣль привезти съ собой во Францію прекрасную плѣнницу: одинъ склонялся къ гречанкѣ, другой желалъ черкешенку, третій—грузинку. Мы спорили о типѣ красоты нашихъ будущихъ рабынь, и эти воздушные замки въ Турціи облегчали намъ проводить трудное и тягостное время въ этомъ ужасномъ лагерѣ, прозванномъ нами «голоднымъ», что было вполнѣ справедливо, такъ какъ мы рѣшительно во всемъ нуждались: не имѣя палатокъ, не имѣя чѣмъ бы укрыться, мы спали на соломѣ и подъ открытымъ небомъ, ѣли конину и пили гнилую воду ручья, въ которомъ, выше насъ, мочили давно уже успѣвшую прогнить коноплю.

Наконецъ, 18-го (6-го с. с.) октября, на разсвъть, насъ поразилъ необычный шумъ на нашемъ флангъ, по ту сторону ручья, впереди 2-го кавалерійскаго корпуса. Этотъ первый шумъ, за которымъ быстро послъдовали звуки выстръловъ, указалъ намъ, что мы атакованы непріятелемъ. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не послъдовало; всъ силы русскихъ устремились на нашихъ сосъдей, которые не были, подобно намъ, ограждены съ фронта оврагомъ ручья, перейти который впереди насъ и скрытно отъ нашихъ постовъ было не только трудно, но прямо невозможно 1).

Король Мюратъ немедленно бросился къ атакованному пункту и своимъ присутствіемъ духа и мужествомъ пріостановилъ начавшееся отступленіе. Онъ бросался на всѣ биваки, собиралъ всѣхъ попадавшихся ему всадниковъ и, какъ только успѣвалъ набрать таковыхъ съ эскадронъ, какъ мгновенно бросался съ ними въ атаку.

Наша кавалерія обязана своим спасеніем именно этим послюдовательным и повторенным на нюскольких пунктах атакам, которыя, остановив непріятеля, дали войскам время и возможность осмотрються, собраться и пойти на непріятеля. Какъ разъ въ то время, когда 1-я линія была захвачена врасплохъ 2) и обойдена, а на заднихъ линіяхъ разбуженные шумомъ люди вскакивали на лошадей, появился Мюратъ и, собравъ все, что только было подъруками, бросался съ ними въ атаку во всѣ стороны, чѣмъ не только что поправилъ наше положеніе, но и возстановилъ бой (въ нашу пользу) 3).

¹⁾ Правый флангь франц. лагеря быль съ фронта ограждень оврагомъ р. Чернишни, за которымъ простиралось довольно открытое мѣсто, а лѣвый—съ фронта менѣе глубокимъ оврагомъ р. Десенки; правый флангъ примыкалъ къ р. Нарѣ и былъ обезпеченъ отъ обхода, а лѣвый совершенно открытъ и сюда-то и бросился гр. Орловъ-Денисовъ съ 10-ю полками Донцевъ.

²⁾ Весь 2-й кавалер. корп. Себастіани, но, главнымъ образомъ, легко кавалер. дивизія 1-й линіи и уланскій № 7 полкъ.

³⁾ Расположеніе 20.000-й массы франц. кавалеріи на бивакѣ у Винково представляєть интересъ съ точки зрѣнія расположенія болѣе или менѣе значительной кавалеріи на бивакѣ въ случаѣ ся отдѣльныхъ движеній и дѣйствій. Теорія въ этомъ случаѣ рекомендуєть два требованія или соблю-

Въ теченіе всей своей военной карьеры Мюрать, прозванный «баловнемъ побъды» (l'enfant gatè de la Victoire), не быль никогда раненъ до этого дня, когда

Мюратъ. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

впервые пролиль онъ кровь свою. Онъ получиль ударь пикой (донской казачьей) въ бедро, и только его короткій плащь «а la tartare» (нѣчто вродѣ короткой кав-казской бурки), которымь онъ покрывался сверху, скрыль слѣды его крови. Онъ умолчаль о своей, впрочемь, легкой ранѣ и только по окончаніи дѣла показаль ее своему доктору.

Заслуги Мюрата въ эту ночь и послѣдующій день мало извѣстны и не оцѣнены должнымъ образомъ ¹). Мюратъ соединялъ въ себѣ одновременно искусство генерала, лихость оберъ-офицера и отвагу солдата ²).

деніе двухъ условій; обезпеченіе заключается или въ расположеніи за какими-либо естественными, болье или менье, непроходимыми преградами или препятствіями (рѣки, болота, глубокіе овраги и т. д.), не допускающими нечаяннаго нападенія, или же обезпеченіе заключается въ нахожденіи передъ фронтомъ и на флангахъ открытой и ровной мъстности на дистанцію кавалерійской атаки, т. е. не менье 2.000 шаговъ, а нынь это разстояніе слъдуетъ расширить на дальность артил. выстръла. Естественно также—сочетаніе и обоихъ условій.

- 1) Мюрать расположиль свою конницу въ условіяхъ сочетанія обоихъ условій: правый флангъ всего расположенія быль прикрыть обрывистыми берегами оврага теченія р. Нары, фронть праваго крыла—р. Чернишни, фронть ліваго крыла быль открыть, но оть впереди лежащаго ліса отодвинуть на дистанцію кавалерійской атаки, что и спасло Мюрата въ день 6-го октября. Лівый флангь всего расположенія, будучи открыть, не быль охраняемь спеціальнымь отрядомь, что слідуемь поставить въ вину Мюрату и на чемь быль построень успіль атаки съ этого фланга 10-ти казач. полковь графа Орлова-Денисова, атаковавшаго весь 2-й кавал. корп. Себастіани совершенно внезапно, особенно же легкую дивизію 1-й линіи и 7-й Польскій уланскій полкъ.

  К. Б.
- 2) Надо отдать справедливость Мюрату, блистательному кавалер. генералу эпохи, что въ этотъ трудный для него день онъ действовалъ столь же искусно, сколь отважно, и задачу отраженія не-

Несмотря на все свое мужество, онъ былъ вынужденъ отступить передъ превосходными силами противника, такъ какъ, хотя мы и сохранили свою организацію, сохранили еще названія своихъ корпусовъ и дивизій, но дивизіями уже не были!.. Увы! Мы были только остатками этихъ прекрасныхъ многочисленныхъ корпусовъ, вторгнувшихся въ Россію. Эскадроны въ 130 чел. имѣли теперь отъ 18—24 чел. и число людей въ дивизіи не достигало нормы таковыхъ даже для полка.

Воть до какой численности были мы доведены, продолжая слабѣть съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ непріятель, находясь въ центрѣ своего отечества, получалъ каждый день подкрѣпленія.

Намъ пришлось присоединиться къ отступательному движенію лѣваго крыла, и къ полудню и мы, въ свою очередь, съ двухъ сторонъ и лицомъ къ лицу очутились передъ непріятелемъ, такъ какъ онъ находился и передъ нами и на нашемъ правомъ (?) флангѣ ¹); мы были обстрѣляны въ голову и съ фланга, неся большія потери отъ этого фланговаго огня ²).

Здѣсь мнѣ пришлось наблюдать странный случай дѣйствія снаряда на жирной и гладкой шкурѣ лошади. Полковникъ находился во главѣ нашего полка, а я въ 3-хъ отъ него шагахъ позади, когда снарядъ, наискось пройдясь по крупу его лошади, только сильно отбросилъ ее въ сторону, не сорвавъ ни одной волосинки; ушибленное мѣсто только сильно вздулось, но скоро зажило отъ однѣхъ примочекъ холодной воды. Впослѣдствіи, подъ Лейпцигомъ въ 1813 г., я наблюдалъ подобный же случай съ моей лошадью.

чаяннаго нападенія рѣшалъ въ чисто-кавалерійскомъ духѣ: впередъ, все впередъ, на коней, кто только готовъ, и впередъ въ атаку навстрѣчу противнику, и только подобнымъ дѣйствіемъ онъ спасъ свои конныя массы отъ полнаго погрома. Достаточно сказать, что атаки застигнутыхъ врасплохъ французовъ, помимо послѣдствій—выхода изъ критическаго положенія, имѣли въ результатѣ сильныя потери нашего 24-го егерскаго полка, атакованнаго 1-мъ и 2-мъ франц. карабин. полками, и пріостановку движенія Тобольскаго полка и 4-го егерскаго, потерявшаго много людей и, было, взятыя имъ орудія; затѣмъ тѣ же атаки дали время и возможность изготовиться франц. конной артиллеріи, успѣвшей нанести намъ серьезныя потери, и онѣ же не дали развиться успѣху атаки нашихъ 10-ти казачыхъ полковъ. Всѣ эти многочисленныя атаки велъ лично Мюратъ, подавая примѣръ находчивости, рѣшимости и личнаго мужества.

Б. К.

¹⁾ Это второе дёло завязалось у Спасъ-Купли, гдѣ, по условіямъ мѣстности, французамъ при ходилось отступать по дефиле и гдѣ наша обходящая конница праваго крыла, т. е. казаки гр. Орлова-Денисова и легкая гвардейская кавалер. дивизія, вторично и съ фланга атаковали лѣвое крыло французовъ. Правый флангъ Мюрата успѣлъ отойти, лѣсомъ обошелъ дорогу у Богородскаго и у Спасъ-Купли присоединился къ упомянутому и атакованному нами лѣвому крылу (2-й корп. Себастіани и 4-й Латуръ-Мадура); здѣсь, у Спасъ-Купли, Мюратъ остановилъ и собралъ свои войска, которыя одновременно, тѣснилъ съ фронта и киязъ Васильчиковъ съ 4-мъ кавалер, корпусомъ, а съ фланга и съ тыла заскакивали казаки и гвардейская легкая дивизія. 2-й кавалер, корпусъ не шелъ далѣе Богородскаго, а Дороховъ, направленный въ лѣвый флангъ Мюрата, опоздалъ, и только партія казачьяго Власова полка подъ начальствомъ урядника Филатова вышла въ тылъ французамъ и приняла участіе въ преслѣдованіи. Филатовъ лично убилъ начальника штаба Мюрата генерала Дери, сердце котораго просилъ Мюратъ доставить ему, но мы не разыскали его тѣла.

²⁾ Конная батарея *Геринга*, нѣсколько разъ и на томъ же флангѣ мѣнявшая свою позицію по указанію полк. *Толя*, руководителя всего этого нападенія.

Полкъ при отступленіи очутился между двумя линіями огня и двумя линіями кавалеріи, далеко превосходящей численностью остатки нашихъ полковъ 1), и нашъ командиръ полка, предполагая, что мы будемъ атакованы и что произойдетъ сшибка, чтобы уберечь отъ нея штандартъ полка, приказалъ мнѣ взять этотъ штандартъ и подъ конвоемъ 4-хъ кирасиръ отвести его назадъ. Въ кавалерійскихъ полкахъ принято, идя въ атаку, удерживать штандартъ на мъстъ, и этотъ обычай или правило исходять изъ двухъ соображеній: во-первыхъ, изъ того, что штандартоно-

Мюратъ 6-го окт. 1812 г. у Винково. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

сецт не импетт свободной руки для своей обороны и, какъ разъ, именно тогда, когда онъ болъе всего въ томъ нуждается, такъ какъ въ лѣвой рукѣ находятся поводья и онъ ею управляеть лошадью, а правая рука занята штандартомъ, почему ему и придаютъ двухъ унтеръ-офицеровъ для прикрытія штандарта справа и слѣва; второе соображеніе исходить изъ того, что лошадь подъ штандартоносцемъ можетъ быть убита и штандарть легко схвачень противникомь, даже въ условіяхъ удачной атаки. Наконець, къ сказанному можно добавить еще то обстоятельство, что штандарть олицетворяеть честь и славу части (l'honeur du corps), честь полка, и что утратившій штандарть считаеть себя опозореннымъ, а потому, естественно, что каждый командиръ принимаетъ всѣ мѣры предосторожности для охраненія своего штандарта. Къ счастью, опасенія моего командира не оправдались и мнъ не пришлось видъть товарищей въ опасности,

которую я не могъ бы раздёлить съ ними. На другой день къ намъ подошли другія войска, мы перешли въ наступленіе 2) и двинулись по дорогѣ въ Калугу 3), куда надъялись вступить на другой день 4), а оттуда идти въ Тулу, гдъ былъ арсеналь и орудійный заводъ.

22-го октября (10-го ст. ст.), въ 10 час. вечера, когда мы были всего въ нъсколькихъ лье отъ Калуги, намъ было приказано състь на коней, и мы уже думали, что этотъ ночной маршъ приведетъ насъ въ Калугу. Несколько часовъ подрядъ простояли мы въ боевомъ порядкъ, но затъмъ, вмъсто движенія впередъ, повернули обратно.

Съ этого вечера началось наше роковое отступление. Ни одинъ французъ не побываль въ Россіи дальше меня, такъ какъ я быль во главѣ дивизіи, и въ этотъ

¹⁾ Превосходство въ кавалеріи не было значительнымъ, а пѣхоты было всего 6 баталіоновъ, но у Спасъ-Купли прибавилось нашей кавалеріи 4-го кавалер, корпуса.

²⁾ То есть перешли фланговымъ маршемъ на старую Калужскую дорогу, что исполнено Наполеономъ необычайно искусно и о чемъ мы узнали только на третій день марша французской арміи отъ знаменитаго нашего партизана Сеславина.

³⁾ На Боровскъ и Малоярославецъ, гдъ Кутузовъ также фланговымъ маршемъ, исполненнымъ съ большимъ напряженіемъ, преградилъ дальнѣйшее наступленіе Наполеона.

⁴⁾ Очень характерно, что избалованные успъхами наши противники и не сомнъвались въ достиженіи Калуги и даже Тулы. Сознаніе полной неудачи этого посл'ёдняго наступленія явилось во французской арміи только съ полученіемъ приказанія перехода на Смоленскую дорогу, путь былого наступленія, путь истощенный и опустошенный, что во многомъ способствовало разнообразію б'ядствій французской арміи и ея последующему разрушенію и разложенію.

последній день нашего отступленія наши эскадроны были въ авангарде совершенно такъ же, какъ были они въ авангарде въ день перехода нами Немана.

Кирасиръ на службъ охраненія въ ноябръ 1812 г. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

ГЛАВА VI.

Отступленіе (отъ Винково до Березины).

Дурныя извъстія.—Начало бъдствій.—Коляска.—Провизія, найденная въ коляскъ.—Приготовленіе шотландскихъ лепешекъ.—Исчезновеніе коляски.—Сахарный заводъ и запасы сахара.—Чайный супъ.—Казначейство арміи.—Полученіе жалованья.—Золото и бумажки.—Грабежъ невыданныхъ суммъ.—Поруч ніе нести штандарть.—Тяжесть и отвътственность. — Разборка штандарта. — Двухстволка.—Встръча съ соотечественницей.—Деморализація войскъ.—Маршъ—безъ чиновъ.—Одежда чиновъ отступающей арміи.—Бъдствіе отъ недостатка продовольствія.—Фуражировки по сторонамъ пути слъдованія.—Мука и ея приготовленіе.—Жареная конина.—Варварское выръзываніе мяса у живыхъ—движущихся лошадей.—Приготовленіе кровяной колбасы изъ живыхъ лошадей, находящихся въ движеніи.—Казаки партизаны и поднявшееся русское населеніе.—Блокгаузы—укръпленные этапы и ихъ назначеніе и служба.—Чиновники—богатъй арміи.—Атака блокгаузовъ партизанами и населеніемъ.—Самосохраненіе береть верхъ надъ всъми остальными чувствами.—Духъ и физика и ихъ взаимодъйствіе.—Необходимость поддерживать бодрость духа.—Священный эскадронъ.—Вредныя его стороны.—Прикомандированный полковникъ.—Вооруженіе кирасиръ.—Кирасиры избъгають нападеній.—Заслуга командира полка.—Достиженіе Березины.

Отступленіе началось при дурныхъ предзнаменованіяхъ; дожди смѣнили сухую осень и дороги стали также хуже, такъ какъ, возвращаясь на старую Смоленскую дорогу, мы шли къ ней по діагонали и въ нашемъ распоряженіи были только проселочныя дороги.

Поразительно, съ какой быстротой распространяются дурныя извъстія; можно думать, что они носятся и распространяются по воздуху. Мы немедленно же узнали, что русскіе, съ цѣлью обмануть Императора, тянули переговоры о мирѣ, дѣятельно одновременно обсуждая условія мира съ Турцією, что давало имъ возможность быстро вернуть армію, воевавшую съ Турцією; также узнали мы, что эта армія уже близка и идетъ намъ наперерѣзъ, что ставило насъ между двухъ огней 1). Это недурной способъ войны! Ударъ былъ хорошо обдуманъ и хорошо проведенъ. Наполеону оставалось его парировать или предотвратить.

Только путемъ форсированныхъ маршей могли мы упредить захватъ этой арміею нашего тыла, а если бы захватъ тыла состоялся, то намъ оставалось только пробиться. Въ исторіи изв'єстно, что изъ всего этого вышло.

Начались для насъ всякаго рода бѣдствія только тогда, когда мы вступили на большую (Смоленскую) дорогу, по которой двигался Императоръ съ гвардіею и часть арміи. Холодъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ мы слабѣли, очутившись безъ обуви, безъ одежды, безъ другой, кромѣ конины, пищи и даже безъ питья, такъ какъ вода уже замерзала. Все то, что писалось объ этомъ продолжительномъ отступленіи, никогда не передастъ всей о немъ истины и никогда не передастъ во всей ясности всѣхъ нашихъ разнообразныхъ бѣдствій и лишеній.

Въ началѣ отступленія мнѣ посчастливилось найти небольшую, запряженную 4-мя небольшими же русскими лошадками, колясочку, очевидно, брошенную своимъ хозяиномъ въ одной тѣснинѣ, когда войска, очищая себѣ дорогу, нѣсколько грубо сдвинули въ сторону массу экипажей. Коляска эта, очевидно, принадлежала и была украдена однимъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые слѣдуютъ за армією, захватываютъ всѣ помѣщенія, содержимое этихъ помѣщеній и страшно стѣсняютъ армію, не принося ей никакой пользы, въ особенности, въ войнахъ имперіи, когда массовыя арміи исключаютъ возможность хорошей администраціи. Чиновникъ, которому принадлежалъ экипажъ, бросилъ его здѣсь, очевидно, для спасенія своей драгоцѣнной персоны.

Я поручиль экипажь двумь своимъ кирасирамъ, одинъ сѣлъ править на козлы, другой сѣлъ внутрь. Въ экипажѣ мой предшественникъ обязательно оставилъ намъ прекрасный окорокъ и полмѣшка муки. Въ теченіе 10-ти сутокъ обладанія экипажемъ, каждый вечеръ разыскивавшимъ меня на бивакѣ, мы пекли лепешки, подобныя таковымъ шотландскихъ гайклендеровъ: мука разводится водой, замѣшивается довольно кругое тѣсто, изъ котораго дѣлаютъ круглую и плоскую лепешку, она ставится въ огонь на горячіе, покрытые золой уголья, и минутъ черезъ 25 готова очень вкусная лепешка.

Въ одинъ прекрасный вечеръ коляска моя на бивакъ не явилась, и съ этой поры ни о коляскѣ, ни о моихъ кирасирахъ—ни слуху, ни духу. Словно въ вознагражденіе моей потери, на другой день, проходя по равнинѣ, наткнулись мы на обширное и уединенное зданіе, необычной встрѣчаемымъ до сихъ поръ зданіямъ конструкціи. Оказался свекло-сахарный заводъ, до того полный сахара, что всѣ

¹⁾ Эти извѣстія могли быть новы только для строевыхъ офицеровъ, отъ которыхъ штабъ арміи благоразумно скрывалъ дурныя извѣстія съ тыла, гдѣ Чичаговъ вышелъ на сообщенія французской арміи.

имъ воспользовались: мы нагрузили лошадей, а артиллерія набила сахарными головами зарядные ящики, а такъ какъ у всѣхъ былъ изъ Москвы чай, то мы замѣнили имъ нашъ вечерній супъ, прозвавъ его «чайнымъ супомъ» (Soupe au thé); недоставало только хлѣба.

Изъ Москвы съ Императоромъ, гвардіею, арміею и учрежденіями двигалось и «казначейство». Съ началомъ отступленія главный казначей началъ опасаться за свои многочисленные и плотно набитые фургоны, и воть, въ одно утро, передъ выступленіемъ, полки получили приказаніе выслать пріемщиковъ для полученія 40.000 франковъ и раздачи ихъ офицерамъ въ счеть жалованья. Я пришелъ къ казначею съ 8-ю кирасирами и засталъ уже многихъ, меня опередившихъ и получавшихъ деньги, офицеровъ и адъютантовъ. Большинство просило выдать слѣдуемое бумажками, что удобнѣе, но я просилъ выдать мнѣ половину золотомъ, считая необходимымъ для обращенія и размѣна имѣть всегда имѣющее цѣну золото. Впослѣдствіи, при опубликованіи отчета, я сдѣлалъ странное открытіе: оказалось, что самыя крупныя суммы были выданы офицерамъ, умершимъ или безъ вѣсти пропавшимъ во время отступленія, и я не думаю, чтобы это обстоятельство способствовало ихъ смерти, думаю скорѣе наоборотъ, что ихъ смерть способствовала округленію суммъ, въ чемъ убѣжденъ, такъ какъ лично прописывалъ росписки, подписанныя получателями.

Остается сожальть, что не всь суммы полевого казначейства были розданы арміи, что предотвратило бы расхищеніе фургоновь, наполненныхь, по преимуществу, кожаными мьшечками съ золотомь. Впосльдствіи, когда казаки напали на эти фургоны, то было замьчено, что наши обозные грабили ихъ вмьсть съ казаками и, нагрузившись, убъгали съ этими мьшками въ рукахъ или на спинь.

Я видълъ такихъ несчастныхъ, измученныхъ и изнемогавшихъ подъ тяжестью уносимыхъ ими мѣшковъ, послужившихъ причиной ихъ смерти.

Мой командиръ далъ мнѣ почетное, но и тяжелое порученіе—нести полковой штандарть. Я шелъ, окруженный тѣми немногими кирасирами, которые еще оставались на коняхъ, но съ каждымъ днемъ число ихъ уменьшалось. Если, двигаясь впередъ, мы съ большимъ трудомъ прокармливали нашихъ бѣдныхъ лошадей, то можно себѣ представить, насколько это было трудно при обратномъ слѣдованіи по той же дорогѣ, вконецъ разграбленной и раззоренной. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что мы не имѣли возможности фуражировать по сторонамъ, такъ какъ вся страна была покрыта полчищами иррегулярныхъ казаковъ, убивавшихъ и забиравшихъ въ плѣнъ всѣхъ отсталыхъ, а извѣстно, какъ велико было число погибшихъ такимъ образомъ.

Пришелъ конецъ и моему коню, котораго до сихъ поръ я тащилъ за собой въ поводу; послъ двухъ ночей, проведенныхъ безъ всякаго другого корма, кромъ коры тъхъ деревьевъ, къ которымъ я его привязывалъ, несчастное животное пало отъ истощенія и голода, и пулей въ голову я сократилъ агонію моего върнаго товарища. Не желая, чтобы мое вооруженіе досталось непріятелю, я бросилъ подъ мость (въ воду) и мою кирасу, и саблю и, взваливъ на плечи штандартъ и двух-

стволку, купленную въ Москвѣ и носимую пѣшимъ кирасиромъ, я началъ отнынѣ свое отступленіе по образу пѣшаго хожденія.

Признаюсь, штандарть показался мнѣ очень тяжелымъ. На концѣ довольно длиннаго древка находился бронзовый орель съ распростертыми крыльями; подъ орломъ къ древку быль прибить четырехугольный кусокъ бѣлаго атласа обшитый съ 3-хъ сторонъ крученой въ палецъ толщиной золотой бахромой. На атласѣ, съ одной стороны большими буквами и золотомъ было вышито: «Императоръ своему 2-му кирасирскому полку»; съ другой стороны вышиты названія всѣхъ тѣхъ сраженій, въ которыхъ участвоваль полкъ, а по всему атласу на свободныхъ отъ надписей мѣстахъ были разбросаны громадныя золотыя пчелы. У ногъ орла была завязана бѣлая въ метръ длины лента, свѣшивавшаяся по всей длинѣ двойными концами, окаймленными широкой золотой бахрамой; всѣ эти принадлежности свертывались въ кожаный чехолъ.

Тяжесть штандарта, вмѣстѣ съ тяжестью двухстволки, страшно давила мнѣ плечи и я сталъ искать случая снять съ себя это порученіе, такъ какъ, помимо непосильнаго утомленія, на мнѣ лежала огромная отвѣтственность, принявъ въ соображеніе все то безчестіе, которымъ сопровождается утрата штандарта. Я не переставалъ докладывать командиру о своей усталости, отъ которой я изнемогалъ, и доказывалъ, что въ этихъ непрестанныхъ насъ одолѣвавшихъ стычкахъ штандартъ ежечасно подвергался опасности, не былъ защищаемъ и легко могъ бы быть захваченъ, причемъ моя смерть не могла его спасти, такъ какъ долгъ обязывалъ меня защищать его до послѣдняго моего издыханія. Всѣ эти соображенія вынудили командира, наконецъ, согласиться на мои доводы и спрятать штандартъ. Я отвинтилъ орла и спряталъ его въ чемоданъ полкового адъютанта, полотнище и ленты—въ чемоданъ командира полка, а древко мы сожгли; всѣ эти операціи облегчили меня морально и физически.

У меня оставалось только ружье, въ каждомъ дулѣ котораго оставалось по пулѣ, разрѣзанной на 4 куска, и я рѣшилъ выпустить ихъ только въ 4-хъ шагахъ, т. е. только навѣрняка.

Французы, жившіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, не послѣдовали примѣру коренныхъ жителей и не эмигрировали, но были очень озабочены своей судьбой, грозившей имъ, какъ соотечественникамъ тѣхъ разбойниковъ, которые вторглись въ страну. Всѣ они остались въ городѣ, но послѣ пожара и разгрома, все потерявъ и опасаясь возмездія возвращающихся въ городъ москвичей, всѣ покинули городъ и слѣдовали съ отступавшей французской армією, не подозрѣвая всѣхъ тѣхъ ужасовъ и лишеній, которые должны были на нихъ обрушиться.

Послѣ нѣсколькихъ дней марша по большой дорогѣ, я замѣтилъ, что рядомъ со мной идеть молодая, хорошо одѣтая женщина, поразившая меня своимъ убитымъ видомъ. По всему ея облику, по костюму, по труду, съ которымъ она шагала въ своей тонкой обуви, я призналъ въ ней покинувшую Москву француженку. Я разговорился съ ней и узналъ, что она жена французскаго негоціанта, была вынуждена покинуть Москву съ французской арміею, что, наканунѣ, во время замѣшательства при столпленіи войскъ, была отдѣлена отъ мужа, котораго напрасно разыскиваетъ въ толчеѣ колонны, что она въ отчаяніи отъ своего положенія, одна, безъ вещей, безъ денегъ, не зная, что ждетъ ее среди арміи, вѣроятно—смерть отъ усталости, холода и голода! Сказавъ ей все, что только могло

ее успокоить, я сообщиль, между прочимь, что когда мы пріостановимь отступленіе, то дорога освободится, что тогда она найдеть мужа или кого-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, къ которымь она и присоединится, а пока, если она пожелаеть остаться около меня, то я всячески постараюсь быть ей полезнымь. Она была недурна собой, льть 25-ти, 28-ми, родомъ изъ Нанси, звали ее m-me Оберъ, и я, бывая въ Нанси, нашелъ съ ней общихъ знакомыхъ.

И воть, я шагаю во главѣ эскадрона своихъ спѣшенныхъ кирасиръ, m-me Оберъ рядомъ со мной, стараюсь быть ей полезнымъ, добываю ей пищу, правда, неважную, но я могъ съ ней дѣлиться только сухарями или жареной кониной, а ночью давалъ ей свой плащъ, въ которомъ и самъ нуждался, такъ какъ наступили холодныя ночи.

Послѣ нѣсколькихъ дней тяжелаго марша, я убѣдился, что она не въ состояніи слѣдовать далѣе и, для ея спасенія, совѣтывалъ свернуть съ большой дороги на проселокъ, гдѣ найдетъ поселенія, найдетъ пріютъ въ сосѣдней усадьбѣ, откуда, при помощи евреевъ, доберется до ближайшаго города, откуда извѣститъ семью; а пока, благодаря знанію русскаго языка, найдетъ мѣсто гувернантки или продавщицы. М-те Оберъ соглашалась, что это единственный выходъ, но ее удерживало опасеніе не найти всего мной обѣщаннаго, страхъ очутиться среди враждебно настроенныхъ деревень и, наконецъ, надежда отыскать мужа. А черезъ нѣсколько дней, при одномъ столпленіи войскъ, вызванномъ внезапномъ суженіемъ дороги, я былъ отъ нея оттертъ и уже никогда болѣе ея не видѣлъ. Что сталось съ ней? Послѣдовала ли она моему совъту или погибла отъ голода и холода?..

Много историковъ уже описывали это злосчастное отступленіе и много еще таковыхъ будутъ приниматься за этотъ тяжелый трудъ, но каково бы не было ихъ число и каковы бы не были ихъ убъжденія, ни одному изъ нихъ не удастся дать върное изображеніе этой арміи бъглецовъ и деморализованныхъ солдатъ, давшихъ до сихъ поръ столько доказательствъ терпѣнія, выносливости и мужества. Кто бы могъ повѣрить, что эти изможженные и оборванные люди, бъжавшіе въ безпорядкъ и безъ дисциплины, были тѣ же самые, которые нъсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уже истомленные чрезмѣрной усталостью и лишеніями, дрались такъ мужественно и побъждали! Уже было невозможно отличить генераловъ и офицеровъ; какъ и солдаты, они были одѣты во все, что имъ попадалось. Зачастую, генералъ былъ покрытъ плохимъ одѣяломъ, а солдать—дорогими мѣхами.

Эгоизмъ былъ единственнымъ двигателемъ этихъ несчастныхъ. Если два человѣка на одили немного дровъ и разводили костеръ, то третьяго, подошедшаго отогрѣться и умиравшаго отъ холода, жестокосердно гнали прочь, если только онъ не приносилъ своей доли дровъ для поддержанія огня, а, между тѣмъ, у костра было мѣсто и двѣ протянутыя къ огню и замерзшія руки не отнимали тепла отъ собственниковъ костра.

Оригинальное зрѣлище всевозможныхъ одеждъ представляла эта длинная колонна призраковъ. Всѣ мундиры арміи были перемѣшаны. Рядомъ съ шелковыми всевозможныхъ цвѣтовъ шубами, отороченными дорогими сѣверными мѣхами, помѣщалась фигура въ пѣхотной шинели или кавалерійскомъ плащѣ. Головы были плотно закутаны и обмотаны платками всѣхъ цвѣтовъ, оставляя отверстія только

для глазъ. Самымъ распространеннымъ видомъ одежды было шерстяное одѣяло съ отверстіемъ посрединѣ для головы, падающее складками и покрывавшее тѣло. Такъ одѣвались, по преимуществу, кавалеристы, такъ какъ каждый изъ нихъ, теряя лошадь, сохранялъ попону; попоны были изорваны, грязны, перепачканы и прожжены, однимъ словомъ, омерзительны. Кромѣ того, такъ какъ люди уже три мѣсяца не мѣняли одежды и бѣлья, то ихъ заѣдали вши.

Но и все это еще можно было бы вынести, если бы было продовольствіе. Чѣмъ же питались войска?! Какъ это не погибли они всѣ поголовно? Это прямо необъяснимая тайна, только доказывающая, какъ мало нужно для поддержанія силь человѣка!

Несмотря на усталость и опасности, которымъ подвергались люди, сворачивая съ дороги, но голодъ все же толкалъ множество людей на мародерство по деревнямъ въ 2-хъ, 3-хъ лье отъ дороги, которыя еще не были ни разграблены, ни сожжены, при наступленіи къ Москвѣ. Много изъ этихъ мародеровъ было схвачено, но все же эти мародеры 1) снабжали колонну продовольствіемъ и спасли армію. Они возвращались съ лошадьми, отобранными у жителей и нагруженными ржаной мукой, перемѣшанной съ отрубями, и свининой, что и продавали за большія деньги, а на слѣдующій день опять шли за добычей для продолженія торговли, но, конечно, сомнительно, чтобы они остались въ барышахъ.

Какъ ни плоха была мука, изъ нея дѣлали размазню, которую, чтобы согръться, тли горячей. Изъ муки, сваренной въ водъ, безъ соли и безъ жира, получалась отвратительная пища, къ которой я никакъ не могъ привыкнуть и предпочиталь ломти обжаренной конины, хотя они внутри и оставались наполовину сырыми. Къ несчастью, чемъ дальше мы двигались, темъ лошадей становилось меньше. Тахъ лошадей, которыхъ мы предназначали себъ въ пищу, мы уже не могли, убивъ, разсекать на части, такъ какъ для этого было слишкомъ холодно и наши ознобленныя руки отказывались служить и замерзли бы, а потому мы выртозывали у лошадей, еще движущихся и бывших на ногах, куски мяса из крупа. Бъдныя животныя не подавали вида, что имъ больно, что ясно доказываетъ, что, подъ вліяніемъ страшнаго холода, происходило полное онъмъніе членовъ и полная нечувствительность тела. При другихъ условіяхъ вырезываніе кусковъ мяса вызвало бы кровотеченіе, но при 280 мороза этого не было; вытекавшая кровь мгновенно замерзала и этимъ останавливала кровотечен е. Мы видели, какъ эти несчастныя животныя брели еще нъсколько дней съ выръзанными изъ крупа громадными кусками мяса; только мфнялся цвфть сгустковъ крови, дфлаясь желтымъ и обращаясь въ гной. Я нашель себъ еще другой способъ питанія. У меня была маленькая жестяная кастрюля, которую я не променяль бы ни на какія сокровища и въ которой я варилъ себъ все, что мнъ попадалось и что я покупалъ, и вотъ, благодаря кастрюль, я сдылался колбасникомь. И воть, какь я орудываль: когда я находиль лошадь недалеко отъ стоянки, я вонзаль ей возможно осторожно между реберъ лезвіе ножа, подъ льющуюся изъ раны кровь подставляль свою кастрюлю, варилъ эту кровь и получалъ такимъ образомъ кровяную колбасу, которую теперь нашель бы приторной и отвратительной, а тогда находиль ее чудесной, что не разъ вспоминалъ и утверждалъ потомъ, что, когда испытываешь тотъ голодъ, ко-

¹⁾ Или, какъ ихъ называлъ простой народъ у насъ, «мгродеры».

торый мы тогда испытывали въ Россіи, то не бываеть плохого повара и каждый поваренокъ обращается въ знаменитаго Вателя 1).

Нътъ сомнънія, что недостатокъ продовольствія способствоваль деморализаціи войскъ, подрывая ихъ силы, и что обильная горячая пища парализовала бы дъйствіе холода. Тъ казаки, надъ которыми при наступленіи посмъивались наши солдаты, на которыхъ, когда-то, не считая ихъ числа, весело ходили они въ атаку, эти самые казаки теперь стали не только что предметомъ уваженія, но и предметомъ ужаса всей арміи и число ихъ при содъйствіи придорожныхъ жителей значительно увеличилось. Почти всъ придорожные крестьяне, въ надеждъ на до-

Штандарты 1812 г. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

бычу, вооружились пиками—этимъ національнымъ русскимъ оружіемъ (?), или же просто кольями съ желѣзными остріями на концѣ. Верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, въ бараньихъ шубахъ и черныхъ барашковыхъ шапкахъ, они слѣдовали вдоль колонны и немедленно на нее бросались, какъ только замѣчали, что встрѣченная тѣснина задерживала войска, вызывая передъ ней скопленіе и разрѣжая за ней колонну ²). Въ сущности, эти импровизированная, жаждавшія грабежа, войска не представляли ничего опаснаго, такъ какъ малѣйшее сопротивленіе ихъ останавливало и обращало въ бѣгство и цѣлью ихъ была не борьба, а только добыча этихъ странныхъ трофеевъ. Но ужасъ, производимый ихъ появленіемъ, былъ таковъ, что при первомъ крикѣ: «казаки!», перелетавшимъ изъ устъ въ уста вдоль всей колонны и съ быстротою молніи достигавшимъ ея головы, всѣ ускоряли свой маршъ, не справляясь, есть ли въ самомъ дѣлѣ какая-либо опасность.

Эти нападенія были направлены, главнымъ образомъ, на блокгаузы. Такъ какъ на всемъ этомъ длинномъ пути отъ Вильны до Москвы не было пощажено ни

¹⁾ З аменитый поваръ Людовика XIV.

²⁾ То было, очевидно, поднятое партизанами къ народной войнъ населеніе, ими же руководимое.

одного города, ни села, ни лачужки, то, для обезпеченія тыла и сообщеній арміи, черезъ каждые 5 или 6 лье были искусственно устроены укръпленные этапы: на квадратной площади, огороженной рвомъ и палисадами, были возведены бараки, и эти блокгаузы занимались соотвътствующими пъхотными отрядами, конвоировавшими проъзжавшихъ курьеровъ 1). Въ подобныхъ блокгаузахъ ночевали обыкновенно охранявшія слъдованіе арміи части.

При отступленіи, марши (переходы и привалы) естественно пріурочивались къ этимъ блокгаузамъ, гдѣ всегда находились небольшіе гарнизоны для обороны войскъ при всякаго рода налетахъ (партизановъ). Первые пришедшіе люди располагались у палисадовъ и, по мѣрѣ стягиванія колонны, кругъ прибывшихъ прогрессивно увеличивался, достигая, въ концѣ концовъ, до 50 и 100.000 бѣжавшихъ.

Наибольшій контингенть людей, искавшихъ прикрытія, составляли причисленные къ арміи чиновники, которыхъ войска прозвали: «рисъ-хлѣбъ-соль». Только они сохранили богатые экипажи, лошадей, нагруженныхъ добычей, награбленной въ Москвѣ и въ богатыхъ усадьбахъ, которыя они опустошали «pour le bien de l'armée». Казаки знали, гдѣ искать добычу, а потому и направляли свои поиски и налеты именно на эти блокгаузы; и тогда начиналась свалка и ужасающее— «спасайся, кто можеть!». Напрасно старались мы удерживать вооруженныхъ людей, напрасно имъ доказывали, что чѣмъ насъ будетъ больше, тѣмъ намъ легче отбиться отъ противника; лишь только мы выпускали того, кого, какъ намъ казалось, мы достаточно убѣдили, чтобы перейти къ убѣжденію слѣдующаго, какъ первый пускался опять въ бѣгство, оставляя насъ на мѣстѣ и предпочитая бѣгство встрѣчѣ съ казаками.

Я уже говориль, что эгоизмъ быль единственнымъ чувствомъ, доступнымъ этимъ несчастнымъ. Эгоизмъ не зналь себѣ мѣры и, если изнеможенный человѣкъ, не имѣя силь идти далѣе, падалъ, то шедшіе около него, замѣтивъ, что онъ умираетъ, вмѣсто естественной помощи, которая такъ свойственна (способнымъ даже и къ самоотверженію по отношенію товарищей) французскимъ солдатамъ, ставили ему ногу на тѣло, переворачивали его, снимали обувь и даже штаны, если они еще были годны, что, въ общемъ, ускоряло послѣдній вздохъ умирающаго. Я считаю своимъ долгомъ утверждать, что нѣсколько разъ былъ личнымъ очевидцемъ подобныхъ тяжелыхъ сценъ.

Погибавшіе отъ голода и холода, всё умирали подобнымъ же образомъ: они падали на колёни и на руки и, пока сохраняли остатокъ силъ, разгребали руками снёгъ и землю, затёмъ падали на бокъ и мгновенно застывали.

Неоднократно наблюдаль я следующее явленіе: если только человекь, говоря о будущемь, начиналь утверждать невозможность пройти въ подобныхь условіяхь остававшіяся до границы 100 или 150 лье, то его следовало считать уже погибшимъ и, действительно, онъ непременно погибаль не позже 2-го или 3-го дня. Я быль до такой степени поражень этимъ наблюденіемъ, что постоянно твердиль самому себе, что не следуеть падать духомъ, а потому вечерами, когда становился съ

¹⁾ Эти укрѣпленные этапы были созданы предусмотрительностью великаго Наполеона, и трудно себѣ представить, чтобы это было съ этимъ отступленіемъ, если бы не было этихъ этаповъ.

своими кирасирами на ночлегъ, то, растегнувъ плащъ, я его растилалъ на снѣгу, клалъ на него ружье и каску и, будучи страшно уставшимъ и страдая отъ раны на ногѣ, принимался танцовать, изображая то, что въ балетѣ называется «des ailes de pigeon» 1). Мои товарищи считали, что я схожу съ ума, но я ихъ успокаивалъ, говоря, что дѣлаю это для поднятія моего духа или, вѣрнѣе, съ цѣлью не падать духомъ.

Съ образованіемъ «священнаго эскадрона» (L'éscadron sacré), мы лишились нашего командира, такъ какъ онъ былъ назначенъ въ его составъ. Что это была за странная идея вызвать въ главную квартиру всѣхъ кавалерійскихъ офицеровъ, сохранившихъ своихъ коней, для формированія эскадрона, призваннаго, въ соотвѣтствіи съ возложенной на него высокой миссіи охранять особу Императора, «священнымъ».

Я признаю, что не было обращено должнаго вниманія на этоть акть, обращавшій начальниковь дивизіи въ эскадронныхъ командировь, бригадныхъ командировь—въ поручиковь и подпоручиковь, эскадронныхъ—въ квартирмейстеровь и всѣхъ прочихъ офицеровъ—въ рядовыхъ. Конечно, охраненіе безопасности Императора и главнокомандующаго представляло необходимую мѣру, но, вѣдь, этой мѣрой одновременно отнимали отъ войскъ, и войскъ уже деморализованныхъ, ихъ непосредственныхъ начальниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вѣрили и съ которыми побѣждали. Подобная мѣра должна была только способствовать увеличенію деморализаціи и оказаться очень вредной въ минуту боя.

Въ нашемъ полку состоялъ подполковникъ, все ожидавшій командирской вакансіи въ любомъ полку; отступленіе удержало его въ нашихъ рядахъ и онъ не пошелъ въ священный эскадронъ, а собралъ остатки полка вокругъ себя и такимъ образомъ шелъ съ нимъ до Березины. Всёми моими силами стремился я помочь ему въ предпринятомъ имъ дёлё сохраненія полка и, хромая, страдая, имѣя одну ногу почти босой и слегка отмороженной, я, тёмъ не менёе, все время неотлучно находился на флангѣ нашей части, одушевляя и ободряя измученныхъ и истощенныхъ людей, имѣвшихъ большую склонность къ остановкѣ и къ отдыху.

Вечеромъ, на бивакѣ, мы обыкновенно розыскивали часть какой-нибудь стѣны для укрытія отъ непрестанно дувшаго жестокаго вѣтра, и если таковой не случалось, то мы располагались на опушкѣ лѣса и пользовались сучьями для разведенія огня.

Всѣ наши кирасиры были вооружены карабинами съ настолько длинными штыками, что длина ружья со штыкомъ равнялась таковой ружей легкой пѣхоты (voltigeurs) и драгунъ, но намъ не пришлось ихъ пускать въ дѣло, такъ какъ въ теченіе всего отступленія мы ни разу не подверглись нападенію. Этихъ нападеній мы избѣжали исключительно и только благодаря дѣятельности и предусмотрительности нашего командира полковника Дюбуа, каждый день съ разсвѣтомъ уже поднимавшаго своихъ людей, охотно бы еще поспавшихъ; начиналъ онъ обыкновенно съ меня, и, такъ какъ я спалъ обыкновенно съ нимъ рядомъ, то мнѣ и поручалъ онъ будить остальныхъ.

¹⁾ Выраженіе, употребляемое въ хореографіи, «танецъ голубиныхъ крыльевъ».

Благодаря этимъ мѣрамъ, мы выступали всегда первыми и уже были далеко, когда начинались нападенія, приходя же ранѣе другихъ на бивакъ, мы получали возможность выбрать лучшее мѣсто и лучше устроиться. И вотъ, непрестанно такимъ образомъ подвигаясь, мы достигли береговъ Березины.

ГЛАВА VII.

Отъ Березины на Вильно, Ковно и Эльбингъ до Сагана въ Германіи.

2-й кирасирскій полкъ остается войсковой частью.—Полкъ есть семья и живой организмъ.—На берегахъ Березины.—Скопленіе массъ войскъ.—Невозможность продвинуться къ мосту.—Необходимость остаткамъ полка разсѣяться для ночлега.—Полкъ, какъ войсковая часть болѣе не существуеть.—Утро.—Авторъ переходитъ мостъ.—Раненый товарищъ Ліоте.—Исторія его раны.—Ліоте исчезаетъ безслѣдно.—Смерть сына командира.—Вильно.—Въ кофейной.—Теплыя и сытыя квартиры.—Бѣдствія при подъемѣ на Панарскія высоты.—Капитанъ Ла-Френэ.—Офицеръ никогда не бываетъ болѣнъ въ день сраженія.—Ковно.—Складъ въ церкви.—Переодѣваніе во все новое.—Запасы спирта и злоупотребленіе имъ.—Пожаръ въ Ковно.—Въ Прусской Литвѣ.—Отмороженные члены даютъ о себѣ знать въ теплѣ.—Осторожность въ пищѣ.—Эльбингъ и главный полковой складъ.—Ядро новаго образованія полка.—Порученіе вести и охранять транспортъ полковыхъ запасовъ.—Нѣтъ подводъ.—Транспортъ приходится бросить.—Слѣдованіе одной подводой.—Перемѣна въ отношеніи населенія къ французамъ.— Гановеръ—страна кавалерійскихъ депо.—Ремонтированіе вновь создаваемой кавалеріи.— Маршевые полки и эскадроны и ихъ выгоды.—Партизаны.—Въ Саксоніи.—Саганъ.—Выступленіе въ новую кампанію.—Война—ремесло Великаго Наполеона.—Кампанія 1813 года.

Березина—небольшая сравнительно рѣка, но довольно глубокая, протекающая въ болотистыхъ берегахъ.

До сихъ поръ мы не только, что сохранили въ цѣлости колонну спѣшенныхъ кирасиръ своего полка, но собрали вокругъ себя еще подобныхъ же спѣшенныхъ кавалеристовъ другихъ частей, отъ которыхъ они отстали и теперь съ радостью находили своихъ товарищей и начальниковъ 1).

Полкъ есть семья (скажемъ—организмъ). Въ полку, кромѣ обыкновеннаго дружества, связывающаго его членовъ, господствуетъ еще дружба, связывающая его чиновъ на почвъ пережитыхъ вмъстъ опасностей и путемъ взаимной поддержки.

Каждый полкъ имѣетъ чувство принадлежности къ своей части, иначе то, что называется «esprit du corps», дѣлающее людей части солидарными (общее единство); кто задѣваетъ полкъ, тотъ задѣваетъ каждаго солдата полка, и кто задѣваетъ солдата, тотъ задѣваетъ весь полкъ.

Около 2-хъ часовъ дня мы были въ виду Березины, не подозрѣвая и не ожидая той ужасной драмы, которая здѣсь разыгралась. Мы были даже въ полномъ невѣдѣній, что должны здѣсь встрѣтить рѣку, представляющую препятствіе,

¹⁾ Обстоятельство это показываеть, что въ хорошей арміи, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отдёльныя части долго сопротивляются разложенію, что при хорошихъ кадрахъ, когда въ арміи начинается разложеніе, полки выдерживають большія испытанія и сохраняють цёльность и свое внутреннее устройство, почему и сохраняють возможность возрожденія и возстановленія, почему французская армія послів всёхъ ужасовъ 1812 года и могла еще появиться съ необычайной быстротой новая французская армія 1813 года.

Б. К.

и еще менѣе, что переправа этой рѣки будеть сопровождаться бѣдствіями, никогда еще не случавшимися съ французами при переправахъ ими большихъ рѣкъ въ теченіе ихъ многочисленныхъ кампаній.

Густыя массы людей, расположившихся на берегахъ рѣки и далеко раскинувшихся по равнинѣ, предупреждали насъ о встрѣченныхъ на переправѣ затрудненіяхъ. Хотя мы представляли устроенную походную колонну, но мы не могли протискаться сквозь толпу, густую и стѣсненную до такой степени, что нѣсколько человѣкъ было задушено. Мы стали въ затылокъ частямъ, ранѣе насъ прибывшимъ, но вскорѣ были стиснуты слѣдовавшими позади насъ. Съ трудомъ продвинулись мы впередъ на одинъ шагъ за четверть часа времени, не постигая причины столь медленнаго движенія впередъ, чему причиной было столпленіе войсковыхъ массъ въ условіяхъ слѣдованія по единственному мосту, да еще незначительной ширины.

Въ томъ же составѣ, не разъединяясь и пробиваясь впередъ черезъ стоявшія впереди массы, провели мы время до самой ночи, съ наступленіемъ которой мы должны были отказаться отъ всякой надежды достичь въ этотъ день моста.

Пришлось вернуться обратно, и такъ какъ вся мѣстность кругомъ представляла сплошной людской муравейникъ и не было ни единаго клочка земли, гдѣ бы мы могли расположиться на ночь всѣ вмѣстѣ, то намъ пришлось разойтись и въ одиночку каждому искать себѣ пріюта на ночь. Такъ разсѣялась наша колонна, чтобы уже никогда болѣе не соединяться; отнынѣ наши люди или исчезли совсѣмъ, или же слѣдовали въ одиночку. Особенно тягостно вспоминаю то обстоятельство, что вся эта масса людей, не успѣвшая переправиться за день, также отхлынула назадъ, а, между тѣмъ, мостъ оставался свободнымъ до самаго разсвѣта.

Но, лишь только разсвѣло, какъ вся эта 100.000-я масса людей, скученная на одномъ мѣстѣ, ринулась одновременно къ берегу. Произошло столпленіе, подобнаго которому, надѣюсь, я никогда болѣе не увижу, да и не желаю никому видѣть: страшное и безобразное зрѣлище!.. Тѣ самые солдаты, которые ранѣе бросились бы на выручку товарищей, думали теперь только о сохраненіи своей собственной жизни, хотя бы цѣной жизни своихъ окружающихъ товарищей. Если кто ослабѣвалъ и падалъ, то толпа наступала на него и давила его на смерть. Валились и стиснутыя съ боковъ лошади и такъ же, какъ и люди, уже болѣе не вставали, иногда, падавшая такимъ образомъ лошадь, желая стать на ноги, отчаянно билась и сбивала ближайшихъ къ ней людей, уже не имѣвшихъ возможности посторониться, почему валились вмѣстѣ съ лошадью и они и уже вмѣстѣ съ лошадью болѣе не вставали.

Такъ какъ только первые ряды могли видѣть эти два моста черезъ Березину, то вся остальная масса сзади, не видя мостовъ, оттѣсняла къ рѣкѣ все то, что было впереди, сталкивая въ рѣку первые ряды, не находившіеся въ направленіи моста.

Къ моему счастью, я находился въ направленіи праваго моста и перешелъ его, но перешелъ лишь съ величайшимъ трудомъ и полнымъ изнеможеніемъ и вотъ почему. Еще не добравшись до моста, я велъ подъ руку и поддерживалъ товарища, раненаго ночью саблей въ бедро, полагаю—въ сочлененіи. Онъ такъ страдалъ отъ раны, что одно время не былъ въ состояніи двигаться даже при

моей поддержкѣ, и я, желая спасти его во чтобы то ни стало, охватилъ его руками и, почти неся, толкалъ впередъ; такимъ образомъ пустились мы по мосту.

На отдыхѣ 1812 г. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

Но на мосту была такая давка, что люди, шедшіе по настилкі, ближайшей къ воді, должны были всіми силами упираться въ противуположную сторону, чтобы не быть сброшенными въ воду. Съ моей ношей въ рукахъ я счелъ необходимымъ идти по краю моста, но быть лицомъ къ воді, въ этомъ положеніи я могъ удобніє сопротивляться давленію и избітнуть паденія въ ріку.

Такимъ способомъ добрался я противуположнаго берега, но въ страшномъ утомленіи, положивъ моего раненаго на снѣгъ, развалился рядомъ съ нимъ, чтобы перевести духъ, въ чемъ сильно нуждался.

Въ это время съ занятаго мною мѣста я могъ прямо передъ собою созерцать толпы, покрывающія противуположный берегъ Березины, и тѣ невѣроятныя усилія несчастныхъ людей противостать напору, толкавшему ихъ въ рѣку; эта ужасающая сцена происходила, главнымъ образомъ, между мостами. Лежа въ сторонѣ, но у самаго моста, я видѣлъ, какъ слѣдовали удостоившіеся счастья перейти этотъ мостъ, и въ числѣ таковыхъ замѣтилъ солдата, возсѣдавшаго на маленькой мѣстной лошадкѣ, очевидно, раздобытой на какой-нибудь фуражировкѣ, и въ этомъ обстоятельствѣ усмотрѣлъ способъ спасенія товарища. Схвативъ лошадь, я спросилъ всадника, не раненъ ли онъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ у него лошадь для раненаго, лежащаго у моихъ ногъ. Всадникъ не согласился, и тогда, для сокращенія спора, я схватилъ его за ногу и перебросилъ ее черезъ крупъ лошади, поставивъ его такимъ образомъ на ноги и предоставивъ ему способъ пѣшаго хожденія.

Впрочемъ, потеря лошади не могла быть особо чувствительна, такъ какъ слѣдовать пѣшкомъ было теплѣе, и сохранившіе лошадей могли ими пользоваться лишь временами для отдыха. Я взвалилъ своего товарища на лошадь, усадивъ на подушку, замѣнившую здѣсь сѣдло, и мы брели такимъ образомъ вмѣстѣ дня два или три, пока насъ не разлучили въ толпѣ при прохожденіи одной тѣснины, и съ тѣхъ поръ я уже не встрѣчался съ моимъ бѣднымъ Ліоте!.. Гдѣ онъ? Былъ ли взятъ въ плѣнъ или раненъ, не знаю, только онъ болѣе уже не возвращался въ полкъ! Ліоте былъ раненъ не въ бою, и его рана была результатомъ того себялюбія, дошедшаго до звѣрства, которое охватило войска въ этомъ злосчастномъ отступленіи.

На разстояніи двойного ружейнаго выстрѣла отъ рѣки, на лѣвомъ еще берегу, ютилась деревушка, въ которой еще уцѣлѣло нѣсколько домовъ 1), немедленно же подвергшихся нападенію съ цѣлью ихъ разрушенія на костры, но явившіеся сюда ранѣе и въ нихъ укрывшіеся не уступали своей собственности,

¹⁾ Деревня Студянка.

причемъ было пущено въ ходъ оружіе. Атакующихъ было болѣе, чѣмъ обороняющихъ и въ результатѣ избы были взяты, насильно разрушены, и Ліоте въ этой свалкѣ получилъ сабельный ударъ; итакъ, офицеры и солдаты дрались за полѣно!!.

ARRONAL BUT DEL DEL DEL PROPERTIE DEL PROPERTIE DE PROPERTE DE PROPERTE DE PROPERTIE DE PROPERTI

Полковникъ Дюбуа былъ женатъ на вдовѣ, и ея сынъ отъ перваго брака поступилъ въ нашъ полкъ незадолго до войны 1812 года, будучи назначенъ во время уже похода квартирмейстеромъ. 19-ти лѣтъ отъ роду, добрый парень и хорошій ѣздокъ, будучи некрѣпкаго здоровья, онъ очень ослабѣлъ, и мы съ его отцомъ по-очередно его поддерживали и водили подъ руку. На полиути отъ Березины къ Вильнѣ, когда онъ началъ окончательно ослабѣвать, мы въ одинъ вечеръ расположились въ избѣ и улеглись, положивъ больного между нами. Проснувшись ночью, я нашелъ моего сосѣда уже мертвымъ, а полковникъ спалъ, и я, желая скрыть отъ него смерть сына, положилъ его подъ скамейку въ нашихъ головахъ, а утромъ заявилъ ему, что сынъ его только что куда-то вышель. «Ну, что же, пора выступать», говорилъ Дюбуа. Вставъ на ноги, мы были уже готовы, такъ какъ все наше снаряженіе заключалось въ саблѣ командира и моей двухстволкѣ. Выйдя за порогъ, онъ началъ кликать своего сына. «Идемъ, идемъ, полковникъ», замѣтилъ я и потащилъ его за собой, и только тогда онъ все понялъ. Опасаясь,

чтобы онъ не вернулся въ избу, я уговориль его идти. Впослѣдствіи онъ каялся, что не вернулся взглянуть на усопшаго, и удивлялся, какъ это онъ его не замѣтилъ и не слышалъ моей возни съ тѣломъ; въ крѣпкій же сонъ погружало насъ наше утомленіе.

Три дня спустя послѣ мрачной сцены на Березинѣ, мы были уже недалеко отъ Вильны. Командиръ убѣдилъ меня выступить ночью, чтобы, войдя въ городъ рано утромъ, раздобыть, во чтобы-то ни стало, кое-какое продовольствіе. Я взялъ съ собой двухъ кирасиръ, присоединившихся къ намъ послѣ нашего разстройства на Березинѣ, и одинъ изъ первыхъ вступилъ въ Вильну, гдѣ царило спокойствіе и довольство.

Войдя въ первую встрѣченную кофейную, я усѣлся у печки и приказалъ подать себѣ кофе съ молокомъ. Прямо сказочно, сколько проглотилъ я чашекъ кофе и слад-

Переходъ черезъ р. Березину. Съ рис. Э. Баярда. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

кихъ пирожковъ въ придачу! На меня и на моихъ кирасиръ смотрѣли, какъ на что-то необычайное. Нѣмцу, содержателю кофейной, я объявилъ, что занимаю весь его домъ и что въ немъ будетъ стоять полковникъ, что гарантируетъ ему безопасность и покровительство. Устроившись въ прекрасной комнатѣ, которую я велѣлъ протопить, и купивъ въ кофейной всѣ ея молочныя булочки, я побѣжалъ закупить рисъ и мясо и, когда все это было доставлено, послалъ кирасира на-

встрѣчу полковнику. Когда послѣдній и два нашихъ офицера прибыли ко мнѣ, то нашли и чѣмъ позавтракать, и теплое помѣщеніе.

Идея командира была основательна, такъ какъ, съ началомъ вступленія войскъ въ городъ, голодные люди бросались по домамъ и забирали все силой, а нѣсколько часовъ спустя по нашемъ прибытіи уже всѣ дома были заперты, забарикадированы и подверглись осадѣ.

Два дня мы отдыхали въ своей квартирѣ; колонны войскъ прибывали и загромождали городъ. На третій день мы оставили нашу сѣверную Капую и выступили при 28° мороза. Контрастъ былъ жестокій, но пришлось покориться.

Во время этого пребыванія въ Вильнѣ я и не подозрѣвалъ, что въ нѣсколькихъ всего шагахъ отъ меня умиралъ мой родственникъ, носящій мою фамилію.

Въ полльё отъ Вильны начинался крутой и длинный подъемъ на высоты, бывшій для насъ послѣднимъ ударомъ. У начала подъема были брошены послѣдніе фургоны, орудія, да и вообще всѣ лошади, а зарядные ящики, по мѣрѣ того, какъ приходилось ихъ бросать, взрывались артиллеристами, и одному Богу извѣстно, сколько подобныхъ взрывовъ слышали мы на пути отъ самой Москвы!.. Въ Вильнѣ сожженъ былъ послѣдній букетъ этого дорого стоющаго и печальнаго фейерверка. Казалось, идетъ цѣлое сраженіе!..

Много людей осталось у подножія высоть; кому-не хватало силь, комумужества 1). Снътъ, покрывавшій дорогу на 15—18 дюймовъ, быль до того умять и утрамбованъ, что получилась гладкая ледяная гора. Не было никакой возможности ни взбираться, ни удержаться на ея поверхности. Пущены въ ходъ всѣ способы восхожденія; я видёль нёкоторыхь солдать, садившихся на снёгь и пытавшихся двигаться вверхъ задомъ, на подобіе некоторыхъ известныхъ калекъ. Попробовавъ, подобно другимъ, следовать задомъ, падая на руки, я, въ конце концовъ, предпочелъ свернуть въ сторону и идти по снъгу и лъсомъ въ обходъ дороги. Я уговориль следовать со мной двухь офицеровь нашего полка, впервые встреченныхъ съ начала отступленія, капитана де-Ла-Френэ (de la Frennais) и старшаго ветеринара. Первый быль больнь и до того слабь, что не имъль силь двигаться, а пожилой уже ветеринарь, ведшій его подъ руку, убъждаль его на последнія усилія, но капитань совершенно изнемогь и уже поговариваль, что лучше вернуться въ Вильну и быть взятымъ въ плѣнъ, чѣмъ замерзнуть на этой ужасной дорогъ. Уговоривъ его подняться лъсомъ и взявъ его подъ мышки, мы начали подниматься по колено въ снегу.

Трудная и тяжелая задача усугублялась страшной слабостью Ла-Френэ и общимъ упадкомъ его силъ по причинѣ болѣзни, но не недостатка энергіи, такъ какъ надо было проявить таковой очень много, чтобы при подобномъ здоровьѣ дойти до Вильны. Наконецъ, наступилъ моментъ, когда мы, постоянно скользя и падая, уже не могли болѣе оказывать ему содѣйствіе этимъ способомъ, тогда, ставъ сзади и толкая его одной рукой, а другой цѣпляясь за вѣтви, мы его прямо потащили наверхъ, причемъ, подъ конецъ, подталкивая его уже одной головой въ

¹⁾ Извѣстныя *Панарскія* высоты, въ 6-ти верстахъ отъ Вильно. Авторъ мемуаровъ прошелъ ихъ еще благополучно, но прохожденіе главныхъ силъ и аріергарда, подъ ударами нашихъ партизановъ и летучихъ отрядовъ, кончилось для французовъ новой катастрофой.

поясницу и цѣпляясь за вѣтви свободными руками. Какъ ни было мнѣ тяжело и трудно проталкивать его наверхъ этимъ способомъ, мы все-таки взобрались наверхъ, и Ла-Френэ бросился въ мои объятія, горячо благодаря за спасеніе ему жизни.

Наверху, по равнинъ, онъ уже могъ идти при поддержкъ одного ветеринара.

Много лѣтъ спустя, въ Парижѣ, когда я служилъ въ гвардейскихъ кирасирахъ, то встрѣтилъ Ла-Френэ въ ресторанѣ Вефура и подошелъ къ нему, какъ къ старому боевому товарищу, но онъ былъ очень удивленъ и, какъ бы роясь въ воспоминаніяхъ, небрежно сказалъ: «да, вы, кажется, служили во 2-мъ кирасирскомъ!» «Да, и въ Вильнѣ», отвѣтилъ я, пристально на него взглянувъ и круто повернувъ спину, пошелъ доканчивать обѣдъ.

Ла-Френэ быль красавець и прекрасный офицерь, но его титуль маркиза кружиль ему голову и онъ признаваль только титулованныхь. Въ Нормандіи, откуда онъ быль родомъ, Ла-Френэ приписывають девизъ: «Moi, marquis de la Frennais, aussi noble que roi, si plus n'est» 1).

Воть что случилось съ Ла-Френэ въ бытность его въ полку. Онъ быль вторымъ поручикомъ по корпусу, первымъ—нѣкто В., которому и предстояла первая капитанская вакансія. Между тѣмъ, подъ Островно у В. въ самомъ началѣ дѣла была убита лошадь и онъ не вернулся къ своему взводу, хотя имѣлъ три лошади; подъ Бородинымъ онъ совсѣмъ не выѣхалъ въ строй и оставался въ лазаретѣ, ссылаясь на вередъ, по мѣсту своего расположенія мѣшавшій ему быть верхомъ, что, однако, не мѣшало ему быть верхомъ наканунѣ и на другой день сраженія; должно быть, его чирій скоро прошелъ, такъ какъ не видно было, чтобы онъ страдалъ.

Ла-Френэ же въ день Бородина былъ настолько болѣнъ и, видимо, такъ страдалъ, когда сталъ передъ взводомъ, что командиръ полка обратилъ на это вниманіе и не только, что просилъ, но настаивалъ на его удаленіи изъ строя, на что Лафренэ отвѣтилъ: «Mon colonel, un officier n'est jamais malade un jour de bataille» ²).

Въ Москвѣ полкъ получилъ капитанскую вакансію, она досталась, конечно, Ла-Френэ. Обиженный и взбѣшенный В. обратился съ упрекомъ къ Ла-Френэ, какъ это онъ, младшій, произведенъ, обойдя старшаго, и получилъ отъ Ла-Френэ очень сухо въ отвѣтъ слѣдующее: «дорогой товарищъ, тутъ вся штука въ здоровъѣ, у меня въ день боя не бываетъ вередовъ». Грубовато, но прямо въ цѣль.

Послѣ Вильны мы уже менѣе страдали отъ холода и не потому, чтобы онъ уменьшился, скорѣе, наоборотъ, но потому, что эта страна не была предана русскими огню, такъ какъ при нашемъ наступленіи мы встрѣтили русскую армію только отъ Вильны, а потому здѣсь мы уже находили зданія для пріюта на ночь.

Наконець, мы дошли до Ковны и стали въ церкви, служившей складомъ. Складъ былъ полонъ бѣлья, обуви и мундирной одежды, доставленными изъ Фран-

^{1) «}Я маркизъ де-Ла-Френэ такъ же знатенъ, какъ король, если только не знативе».

^{2) «}Въ день сраженія офицеръ никогда не бываетъ больнъ.

ціи и здѣсь застрявшими, по неимѣнію способовъ ихъ доставки въ армію. Изъ пустыхъ ящиковъ мы развели большой огонь—давно невиданная нами роскошь и могли перемѣнить бѣлье. Рубашки были изъ довольно грубаго полотна, но онѣ показались намъ чудесными, а, сжигая наше старое бѣлье, мы мстили нашимъ многочисленнымъ въ немъ сидѣвшимъ врагамъ. Бросивъ наши сапоги (bottes à l'écuyére), мы надѣли гетры изъ чернаго сукна, доходившія до колѣнъ. Износившійся Ла-Френэ, предпочитая грубое, но новое, облачился въ мундиръ 17-го легко-карабинернаго.

Ковна послужила могилой многихъ сгорѣвшихъ. Въ Ковнѣ былъ огромный запасъ спирта, и несчастные люди не устояли передъ соблазномъ пить давно уже невиданное ими вино. При общей слабости, полномъ истощеніи и лютомъ въ 29° морозѣ, люди совершенно опьянѣли, а, между тѣмъ, въ погребахъ и магазинахъ возникъ и занялся огонь, распространился съ ужасающей быстротой и много людей перешло отъ сна къ смерти, не сознавая своего положенія. Сгорѣли не только погреба и магазины, но сгорѣлъ весь городъ со всѣми домами, переполненными людьми, принесшими въ эти дома водку изъ складовъ.

Я не быль свидѣтелемъ пожара, но его избѣгнувшіе разсказывали о бѣдствіи и о томъ зловоніи, которое шло отъ горѣвшихъ людскихъ тѣлъ.

Торопясь покинуть Россію, мы оставались въ церкви лишь нѣсколько часовъ и, отдохнувъ и переодѣвшись, вышли изъ этого послѣдняго города древняго русскаго царства. Перейдя Нѣманъ по льду, мы вступили въ Польшу (?), гдѣ нашли и дома для укрытія, и жителей, снабжавшихъ насъ кое-какимъ продовольствіемъ. Укрытые и теплые дома скоро были загромождены французами, которые въ своемъ наслажденіи этой счастливой перемѣной, въ большинствѣ, не хотѣли ихъ покидать, такъ какъ не владѣли своими отмороженными членами. На морозѣ отмороженные члены не давали себя чувствовать, но подъ вліяніемъ тепла начались страданія и въ результатѣ—невладѣніе членами.

Укрываясь отъ холода, кидались въ дома и располагались въ нихъ, а по ихъ переполненіи, забирались въ сѣновалы и зарывались въ сѣно; сараи, проходы—все было занято несчастными, не могшими или не желавшими болѣе двигаться. Ничто не издаетъ большаго зловонія, какъ отмороженное мясо, а потому мнѣ казалось невозможнымъ входить, а, тѣмъ болѣе, жить въ домахъ, переполненныхъ людьми, перевязывавшими здѣсь свои обнаженные члены и здѣсь умиравшими.

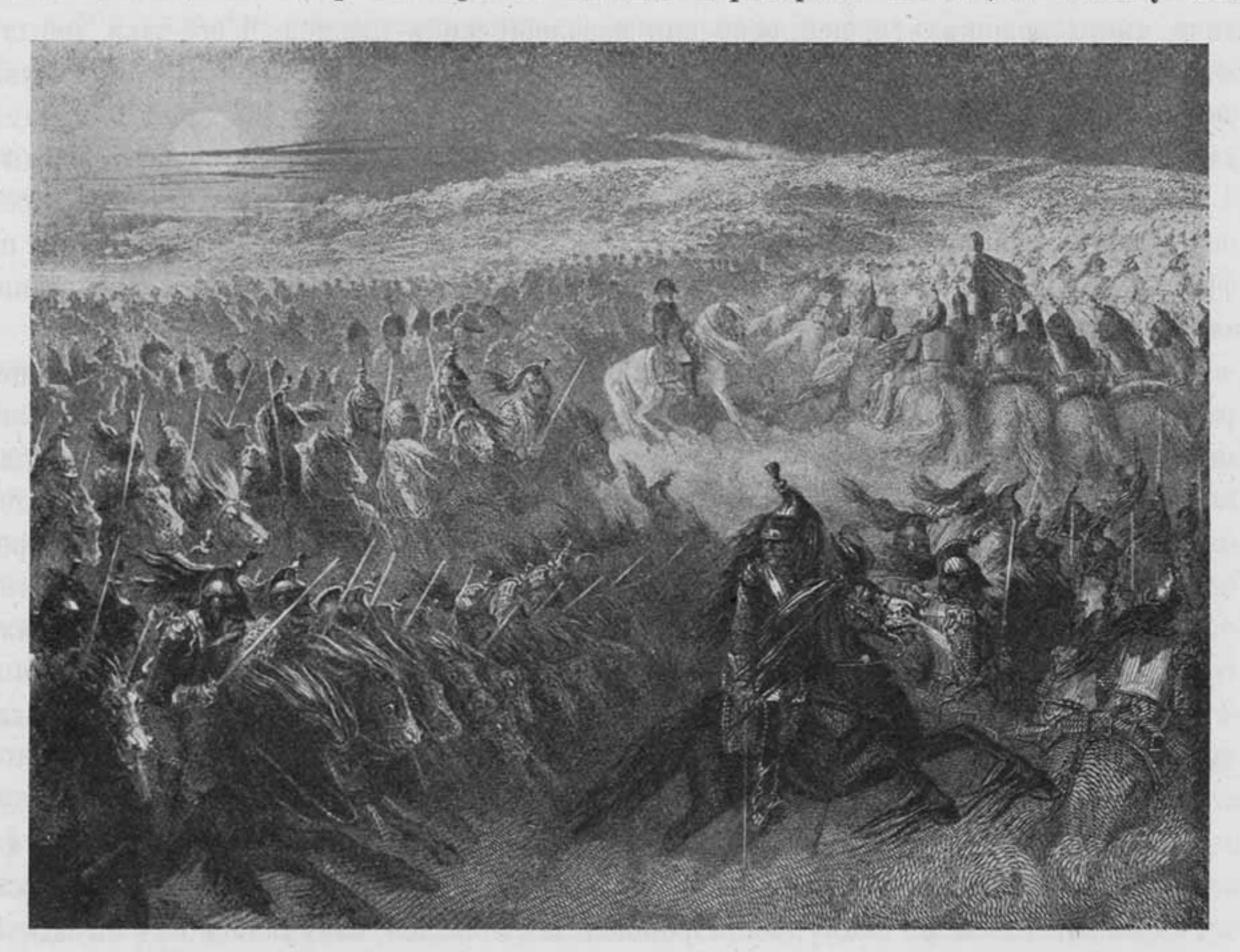
Когда продовольствіе явилось въ достаточномъ количествѣ, то люди набрасывались на него съ такой жадностью, что заболѣвали; желудки утратили способность переваривать пищу и было необходимо принять сообразныя мѣры. Полковникъ Дюбуа, Ла-Френэ и я купили себѣ рису и каждые три часа варили себѣ похлебку.

Добравшись до перваго селенія, мы тотчась наняли сани и живо добрались до Кенигсберга, оттуда—до славной и кровавой памяти—Эйлау и, наконець,— Эльбинга, гдв находился главный полковой складь (grand dêpôt du regiment).

Въ главномъ полковомъ складѣ мы нашли значительные запасы предметовъ обмундированія и снаряженія. Одѣвъ остатки когда-то чудной части во все новое, отдохнувъ и образовавъ на счетъ людей и лошадей полкового депо новое ядро

полка, мы, подъ давленіемъ приближенія противника, оставили Эльбингъ и направились въ Ганноверъ.

Я снова получиль несносное порученіе спасти полковые запасы, для чего взяль по реквизиціи большія м'єстныя повозки, но такъ какъ число ихъ было недостаточно, то полковникъ отобраль только часть предметовъ по разсчету на 10 повозокъ, съ которыми, при 10 п'єтихъ кирасирахъ конвоя, я и выступиль.

Ночной смотръ. Съ литографіи Раффе. Изъ коллекціи Б. М. Колюбакина.

Наибольшее затрудненіе заключалось въ нахожденіи ежедневно на этапахъ другихъ повозокъ, такъ какъ того же требовали и другія части. Въ каждомъ городѣ Германіи находилось по одному или по нѣсколько этаповъ, которымъ предстояло очистить мѣсто стоянки и спасти запасы, а потому черезъ нѣсколько дней марша сталъ ощущаться недостатокъ перевозочныхъ средствъ. Я не переставалъ докучать канцелярію коменданта города и городского правленія своими требованіями подводъ, зачастую, напрасно въ теченіе нѣсколькихъ дней, что задерживало слѣдованіе и, наконецъ, былъ вынужденъ двинуться съ меньшимъ числомъ подводъ, но столь нагруженныхъ, что лошади еле двигались. Въ какомъ-то городкѣ подводъ, но столь вовсе и всюду отвѣчали, что высланныя еще не вернулись, что было справедливо, такъ какъ нѣкоторые транспортные начальники, не находя новыхъ подводъ, задерживали старыя, и несчастные возчики, взятые по реквизиціи на одинъ день марша, были уведены далеко отъ своихъ селеній; они были бы уведены еще далѣе, если бы не побросали своихъ подводъ и не бѣжали бы съ лошадьми. Вотъ почему на дорогахъ встрѣчались нагруженныя подводы, но безъ лошадей и упряжи

и безъ прикрытія, и значительные запасы француской арміи дёлались достояніемъ нѣмцевъ.

Въ моемъ маленькомъ городкѣ я все надѣялся и ждалъ, и ждалъ такъ долго, пока въ одинъ прекрасный день комендантъ города не сообщилъ, что непріятель близко и что, если мы не хотимъ быть захваченными, то надо уходить. Тогда я рѣшился бросить транспортъ и, если жители подѣлились оставленнымъ, то получили много хорошихъ вещей, особенно кавалерійскихъ плащей. Я все-таки добылъ подводу и на другой же день выступилъ, увозя и своихъ 10 кирасиръ и сундуки спѣшенныхъ и, слѣдовательно, разоренныхъ офицеровъ. Для сокращенія пути и для лучшаго сохраненія подводы, я бросился вправо отъ дороги и черезъ каждыя 4 или 5 лье останавливался въ деревняхъ для полученія новой подводы по моей подорожной, которую никто не могъ прочесть, такъ какъ она была написана по французски, но добряки нѣмцы такъ привыкли къ послушанію и исполненію реквизицій, что было достаточно и устнаго требованія.

Однако, послѣ извѣстія о нашемъ бѣдственномъ отступленіи, я замѣтилъ перемѣну въ пріемѣ насъ населеніемъ и тонъ властей быль уже другой; мы были побѣждены и, конечно,— «горе побѣжденнымъ». Располагаясь въ селеніяхъ, я, для безопасности, не допускалъ ночлега людей въ разныхъ домахъ, а занималъ два смежныхъ дома, причемъ нарочно при всѣхъ мы осматривали карабины и пробовали остріе штыковъ, а ложились съ карабинами у изголовья. Двигаясь такимъ образомъ по 12—15 лье въ сутки, мы быстро достигли Ганновера, гдѣ застали большое полковое депо и собранные вмѣстѣ остатки нашего полка. Брауншвейгъ, Гальберштадъ и Ганноверъ—три пункта, гдѣ мы вновь организовали наши эскадроны, постепенно, по мѣрѣ ихъ изготовленія, отправляя ихъ въ армію.

Каждый полкъ собиралъ своихъ разсѣянныхъ людей, которыхъ наскоро одѣвали и снаряжали; по мѣрѣ поступленія ремонтныхъ лошадей, занимались ихъ выѣздкой, что требовало громадной работы, такъ какъ ремонтированіе производилось съ поразительной быстротой. Во главѣ этого дѣла стоялъ спеціалистъ—дивизіонный генералъ Бурсье, расположившійся въ г. Ганноверю, куда непрерывно и поступали лошади изъ Ганновера, Мекленбурга, Гольштейна и Даніи и быстро распредѣлялись въ многочисленныя кавалерійскія депо, заполнявшія всю провинцію Ганновера.

Какъ только извѣстное число людей было посажено верхомъ и они были въ состояніи слѣдовать, такъ немедленно же формировался маршевой полкъ, т. е. эскадроны образовывались изъ людей разныхъ полковъ, офицеры вступали въ командованіе и извѣстное число эскадроновъ составляло маршевой полкъ, ввѣряемый штабъ-офицеру. Численность подобнаго полка варьировала въ предѣлахъ 1.200—1.800 чел. По прибытіи въ армію, полки направлялись въ соотвѣтственные корпуса.

Эта мѣра посылки подкрѣпленій не иначе, какъ цѣлыми маршевыми полками, преслѣдовала двѣ цѣли. Во-первыхъ, слѣдованіе цѣлымъ полкомъ, сравнительно съ слѣдованіемъ малыми командами, имѣло преимущество бо́льшаго порядка, надзора и лучшаго ухода за лошадьми, такъ какъ мало кому извѣстно, сколько заботъ, предусмотрительности и дѣятельности необходимо для командованія и вожденія кавалерійскаго отряда. Зачастую, бывало, что въ депо недоставало офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, трубачей и мастеровыхъ, особенно кузнецовъ.

Другая цёль образованія маршевыхъ полковъ преслёдовала безопасность слёдованія, такъ какъ въ этой нашей послёдней войнё въ Германіи, нёмцы, подражая испанцамъ и русскимъ, образовали партизанскіе отряды, которые рыскали по странё и прерывали сообщенія между ремонтными депо, находившимися въ Ганноверѣ, и армією, бывшей въ Саксоніи. Особенно отличился въ этого родѣ войнѣ генералъ Тильманъ, бывшій начальникомъ одного подобнаго партизанскаго отряда въ 6—8.000 человѣкъ, принесшаго много вреда нашей арміи. За нѣсколько всего дней до Лейпцигскаго сраженія онъ захватилъ довольно значительный нагонявшій армію артиллерійскій паркъ, потеря котораго живо почувствовалась въ концѣ сраженія, когда многія батареи, за недостаткомъ снарядовъ и невозможностью ихъ пополнить, должны были ослабить огонь, а другія и вовсе его прекратить.

Какъ только изъ насъ образовался изрядный отрядъ, такъ мы тотчасъ же покинули Ганноверъ и, совмѣстно съ отрядомъ карабинеровъ, составили 1-й эскадронъ превосходнаго и значительной численности маршевого полка. Мы предусматривали встрѣчу съ партизанами, такъ какъ слѣдовавшій впереди насъ полкъ былъ уже ими атакованъ, но никто не появлялся, что насъ почти огорчило, такъ какъ мы могли противупоставить этимъ господамъ 1.800 опытныхъ всадниковъ, на хорошихъ лошадяхъ и крѣпкихъ духомъ, но эти иррегулярныя банды обыкновенно нападали только тогда, когда успѣхъ былъ надежно обезпеченъ ихъ численностью.

Мы присоединились къ арміи уже въ Саксоніи, и наша дивизія, подъ начальствомъ генерала Латуръ-Мобура, стала по квартирамъ въ Саганю и близлежащихъ окрестностяхъ—богатой странѣ, гдѣ наши лошади отдохнули, а когда, спустя нѣкоторое время, мы начали кампанію, то въ этой блистательной кавалеріи было невозможно признать жалкихъ войскъ отступленія изъ Россіи; однако, по всей справедливости, слѣдуетъ все же припомнить, что изъ этого числа людей мало кто доходилъ до Москвы, такъ какъ изъ 132-хъ кирасиръ моего эскадрона при переходю Нюмана, насъ было уже всего 18 человъкъ въ «Голодномъ лагерю» (Винково), а изъ этихъ 18-ти только 7 кирасиръ дотянули отступленіе до конца.

Всѣ эти нынѣ отсутствовавшіе, исключая немногихъ убитыхъ въ теченіе кампаніи, были ранены или больны, или спѣшены, лишась лошадей.

По мѣрѣ того, какъ въ кавалеріи накопляются спѣшенные люди, потерявшіе лошадей въ бою ли, павшими ли отъ изнуренія или болѣзней, или за хромотой лошадей, всѣ эти люди немедленно отсылаются въ тылъ, въ депо, гдѣ они получають новаго коня. Вотъ этихъ-то самыхъ людей мы теперь и собрали, посадили на коней и образовали изъ нихъ полки, добавивъ еще рекрутами изъ Франціи, не прошедшими, однако, службы въ ремонтномъ депо, а прибывшими на коняхъ прямо съ Рейна и въ составѣ полевыхъ эскадроновъ.

Когда я прибыль въ Саганъ, то первый мной встреченный офицеръ объявиль мне, что онъ мой заместитель во 2-мъ кирасирскомъ полку, такъ какъ, приказомъ по военному ведомству, я переведенъ въ 9-й кирасирскій. Я прибыль къ своей новой части, которая, совместно съ 2-мъ и 3-мъ кирасирскими полками, составила бригаду генерала Бессьера (брата маршала). Военные, офицеры, а въ особенности въ арміи, быстро завязывають знакомства, а такъ какъ мои бывшій и настоящій полки давно уже сл'єдовали вм'єсть, то я им'єль уже много знакомыхъ.

Еще часть времени провели мы вмѣстѣ въ этой прекрасной странѣ, но, вотъ, въ одинъ прекрасный день звукъ трубы возвѣстилъ намъ, что надо снова идти въ бой, такъ какъ монархи не столковались о мирѣ, и нашъ Императоръ, подобно герцогу Алмавива, сказалъ намъ: «война—мое ремесло».

Началась кампанія 1813 года.

grado prijedenia, Koncernaciona inne su oi dengraini assau, an ardes logunaris

the least of the second state of the second st

the state of the s